

РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ТОМ 2 № 3

Москва
2005

Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – А.И. Донцов

Редакционный совет

Г.В. Акопов	Л.М. Попов
В.М. Аллахвердов	В.В. Рубцов
Д.Б. Богоявленская	А.А. Реан
М.Г. Дебольский	В.Ю. Рыбников
Ю.М. Забродин	Т.П. Скрипкина
А.В. Карпов	С.Д. Смирнов
В.Н. Кирой	Л.А. Цветкова
Е.А. Климов	А.М. Черноризов
Н.И. Леонтьев	В.Д. Шадриков
М.Ш. Магомед-Эминов	В.А. Шкуратов
Н.Н. Малофеев	А.Г. Шмелев
М.И. Марьин	Д.И. Фельдштейн
Е.Б. Перельгина	

Редакционная коллегия

И.В. Абакумова	М.С. Егорова
А.Г. Асмолов	П.Н. Ермаков
Т.Ю. Базаров	(заместитель главного редактора)
(заместитель главного редактора)	Ч.А. Измайлов
М.М. Безруких	В.А. Лабунская
А.А. Деркач	А.Б. Леонова
И.В. Дубровина	Е.А. Сергиенко
А.Л. Журавлев	А.Ш. Тхостов

Ответственный секретарь – Л.И. Рюмшина

Выпускающий редактор – Л.В. Щербакова

Переводы – Ф.Д. Темурзиева

Корректурa – Н.В. Бирюкова

Компьютерная верстка – И.В. Басова

**Адрес издателя
и распространителя:**
344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 218а.
Тел. 243-07-67; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

**Адрес
учредителя:**
129366, Москва,
Ярославская, 13
Тел. 283-55-30; факс 283-55-30
E-mail: rpo@psychology.ru

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

СОДЕРЖАНИЕ**Наши авторы**

4

Психология сознания

Акопов Г.В. Сознание как проблема психологии:
отечественные и зарубежные подходы

7

Социальная психология

Перельгина Е.Б. Эмпирическое исследование имиджа
как интересующего взаимодействия (продолжение)

25

Экономическая психология

Мусаэлян И.Э., Сливницкий Ю.О. Эволюционная природа
деловой активности человека

37

Когнитивная психология

Карпов А.В. Рефлексия в структуре
когнитивной организации процессов принятия решения

48

Психология образования

Реан А.А. Асоциальное поведение несовершеннолетних
как проблема психологии образования

68

Психология личности

Джанерьян С.Т. Структура типов профессиональных
Я-концепций

78

Критика и библиография

Рецензия на книгу Роберта Эммонса
«Психология высших устремлений: мотивация
и духовность личности»

93

Информация о конференциях

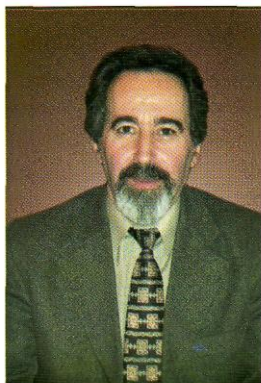
98

Сведения о порядке подачи публикаций

103

Наши авторы

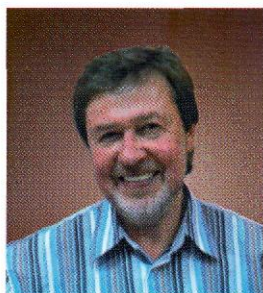
Акопов Гарник Владимирович – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета психологии Самарского педагогического университета.

Перелыгина Елена Борисовна – доктор психологических наук, профессор, декан факультета социальной психологии Гуманитарного университета, г. Екатеринбург.

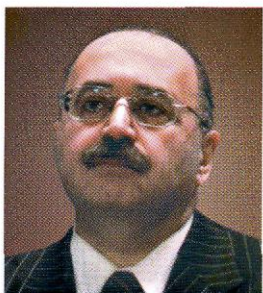
Мусаэлян Ирина Эриковна – психолог, заместитель генерального директора ООО НИиАПЦ «Надежность», г. Москва.

Сливницкий Юрий Олегович – психолог, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Карпов Анатолий Викторович – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии ЯрГУ.

Реан Артур Александрович – член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор Московского университета МВД РФ, руководитель комплексной программы «Профилактика преступности несовершеннолетних», зам. председателя экспертного совета ВАК РФ.

Джанерьян Светлана Тиграновна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии личности и общей психологии факультета психологии РГУ.

Психология сознания

Акопов Г.В.

Сознание как проблема психологии: отечественные и зарубежные подходы

В последние десятилетия единым основанием развития отечественной и зарубежной научной психологической мысли можно считать явления сознания, обсуждение которых дает возможность вывить в широкой системе психологических знаний новые значения и смыслы. В связи с этим в статье анализируются различные подходы к определению и структуризации сознания, отмечается при этом, что существующие в российской психологии научные подходы к решению проблемы сознания группируются в направлениях естественнонаучной и гуманитарной традиции, отмечается пересмотр критериев научности в последнее время. Большое внимание уделяется и зарубежным подходам, отличающимся от российских, преобладанием анализа причин появления сознания и его связи с физическим миром, что достаточно изучено в отечественной психологии с позиций диалектического и исторического материализма..

Ключевые слова: сознание, структура, субъект, информация, мозг, научные парадигмы, теории сознания.

Можно предположить, что вполне условная временная граница смены веков, а в прошедшем историческом периоде – и тысячелетий, вызывает особую остроту не только экзистенциальных переживаний «человека разумного», но и, в значительной мере, активизирует научный поиск *единых оснований* человеческой жизни. Таким единым основанием в последние десятилетия развития научной психологической мысли как в отечественной, так и в зарубежной психологии предстают явления сознания, проблематика которого все более интенсивно и широко исследуется не только в психологии, но и в целом комплексе естественных, гуманитарных и общественных наук. Опыт отражения состояния проблемы и построения некоторых ее решений в отечественной психологии представлен в обзорно-обобщающей работе автора (Акопов, 2002).

Существующие в Российской психологии научные подходы к решению проблемы сознания группируются в направлениях естественнонаучной (сциентизм) и гуманитарной традиции. Пересмотр критериев научности (различные типы рациональности) в последние десятилетия с необходимостью подводит к мысли о ключевой роли понятия, форм, типов и др. производных термина

«сознание» в предупреждении или даже преодолении элементов паранауки, распространяемой в научном «обличьи». Что касается гуманитарной традиции, то она весьма незначительно представлена в отечественной психологии. Идеи Г.Г. Шпета, М.М. Бахтина и др. недостаточно адаптированы в теоретических или методических построениях отечественных психологов.

Современная психологическая практика неизбежно вовлекает теоретическую психологию в обсуждение экзистенциальных проблем, решение которых не может быть выработано вне категории сознания. Как представлена эта категория в отечественной психологии, в какой степени реализован тезис Л.С. Выготского о центральности этой категории для всей психологии, образуют ли учения о сознании отечественных психологов (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, К.А. Абульханова-Славская, В.П. Зинченко, А.Г. Асмолов, Ф.Е. Василюк, В.Ф. Петренко, В.М. Аллахвердов и др.) определенное единство или это совершенно разнокачественные программы исследований сознания?

Значительное богатство идей, изолированных временем и разрозненных теоретическими платформами, скрыто от широкого научного внимания, не артикулировано в предметном поле современной психологии. Категория сознания несет в себе огромный объединительный потенциал для современной психологии. Важно вывести сознание из «латентного» состояния и осознать как научную проблему в новом содержательном и качественном объеме. Обсуждение проблемы на новом этапе развития науки дает возможность выявить в широкой системе психологических знаний новые значения и смыслы.

Анализ различных подходов к определению и структуризации сознания может быть соотнесен с той или иной методологической установкой (междисциплинарная, унитарная, системная) и обнаруживает связь различных структурных схем сознания с двухфакторной моделью бесконечно развивающегося сознания (фактор взаимосвязи и контакта индивида и окружающей среды, личности и общества, индивидуальности в реальных и потенциальных образованиях «Я»; фактор созидания, свободы и связанной с ней ответственности в системе взаимодействий - контактов). Двухфакторный подход (контакты, их интенсивность и широта; произвольность, устойчивость и многообразие объектов, форм и т.д.) позволяет наметить контуры целостной системы развития сознания.

Связана ли смена научных парадигм с изменениями в социально-экономическом устройстве общества или научная мысль развивается по своим законам, независимо от установлений (догматов?) диалектического и исторического материализма, тех или

иных положений диалектической философии либо других философских интерпретаций науки? Как бы мы ни ответили на этот вопрос, постсоветская действительность российской научной, в частности, психологической мысли демонстрирует синхронически совмещенные тенденции (или устремления) к изменению основополагающих характеристик отечественной психологии (Аллахвердов В.М., Братусь Б.С., Леонтьев Д.А., Юревич А.В. и др.) и к сохранению сложившейся в предшествующие годы системы научного психологического знания (Александров И.О. и Максимова Н.Е., Гусельцева М.С., Марцинковская Т.Д., Моросанова В.И. и др.).

Забегая вперед, заметим, что производство и трансляция научных знаний как функция субъекта научной деятельности, являясь вполне сознательной, не тождественна функции осознания состояния научного знания (его системности, адекватности решаемым задачам и т.д.), т.е. функции субъекта научно-методологической деятельности (рефлексии), хотя и включаемой часто в первую из обозначенных функций.

Говоря о системе научных знаний, мы имеем в виду иерархическую взаимосвязь следующих основных научных конструкций: 1. Специальный язык (понятия и категории), позволяющий сократить время и уменьшить усилия по приему, переработке и передаче научной информации; 2. Методы получения и оформления новой информации; 3. Научное описание эмпирической фактологии; 4. Выявление (открытие) и подтверждение (доказательство) закономерностей и законов, устанавливающих определенные отношения и связи между отдельными фактами, их группами и системами; 5. Определение научных подходов, построение концепций и теорий, позволяющих вскрыть механизмы действия закономерностей и законов, обнаруживать новые факты, прогнозировать динамические явления и т.д.; 6. Конструирование научно-обоснованных технологий (различные психопрактики), позволяющих вызывать целенаправленные изменения объектов воздействия.

В связи с последним пунктом, мы находим существенное отличие в системах научных знаний о живых и неживых объектах. Первые, в особенности наделенные психикой, живые объекты, обладая изначальной активностью (предпосылки субъектности и субъективности), оказываются неимоверно сложными в изучении, описании, систематизации и т.д. ввиду колоссального многообразия возможных форм, видов, уровней активности, а на определенных этапах изучения начинают оказывать определенное сопротивление исследовательским усилиям со стороны «постороннего» лица,

«чужого» субъекта. В этих случаях во всей полноте обнаруживается феномен нетождественности проявлений сознания субъекта исследовательской программы в отношении активного существа (откликающегося тем или иным образом на внешнее воздействие), включающей, как известно, помимо операциональных и действенных компонентов, также деятельностные, обусловленные релевантной мотивацией, принимаемой или отвергаемой противоположной стороной (активное существо). В этом плане можно говорить о возможности феномена сознающего, но не осознающего (рефлексирующего) субъекта, и в этом случае во всей полноте встают вопросы: зависимости активного существа от действующего субъекта; ответственности осознающего субъекта и доверия к нему. В конечном счете, нерешенность данной проблемы инициирует вопрос о доверии к научному психологическому знанию, о зависимости от научного авторитета и об ответственности ученого за корректность исследовательских процедур на каждом из приведенных выше этапов научного конструирования.

В связи с иерархичностью системы выстраивания научного знания, особое значение приобретает работа над категориальным аппаратом. В отечественной психологии этой важной работе уделено внимание такими авторами, как Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, Ю.М. Забродин, В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломов, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, К.К. Платонов и др.

В разные годы объем и содержание основных категорий менялись. Некоторые категории ушли на второй план (отражение, ассоциация и т.д.), другие оказываются более востребованными (личность, деятельность, общение). На наш взгляд, в актуальном психологическом поле вся современная психологическая проблематика сконцентрировалась в двух категориях, наиболее тесно взаимосвязанных со всеми другими. Это категории *субъекта* и сознания. Целый ряд изысканий, проведенных в институте психологии РАН в последние годы (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, В.В. Селиванов, Е.А. Сергиенко и др.) определил новое содержание этой категории и богатство возможных применений в прикладных и практических исследованиях.

Категория сознания, переживающая ныне свое второе (третье?) рождение, после пионерских работ В.Ф. Петренко по психосемантике сознания, определила новые точки роста не только отечественной психологии (В.М. Аллахвердов, В.П. Зинченко, О.В. Гордеева, Е.В. Субботский, Ю.М. Швалб, Н.Б. Шкопоров, Е.В. Улыбина, Г.В. Акопов, А.Ю. Агафонов и др.), но позволила сформировать

новую область научных исследований в США и Западной Европе (The Science of Consciesness).

В концептуально-обзорной работе автора по проблеме сознания в отечественной психологии (Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа, Самара, 2002) в процессе последовательного структурированного рассмотрения *сознание* выводится за пределы произвольных ограничений частной темы в рамках общей психологии и в широкой совокупности теоретических взглядов, прикладных и эмпирических изысканий отечественных психологов различных направлений и школ постреволюционной (1917 г.) эпохи, обретает свою психологическую предметность, целостность и глубину.

Сознание неотрывно от субъекта и не может существовать вне субъекта, в то же время формы проявления *сознания субъекта* и субъекта сознания не тождественны. Факторами развития и проявления сознания в работе определены контакт (коммуникация, общение) и свобода (произвольность, творчество, созидание). Двухфакторная структура сознания обобщает и объясняет существующие описания функций, структуры, форм, видов и другие проявления сознания. Понятие «зависимость», в частности, можно определить как потерю (вынужденную утрату) тех или иных свобод ради сохранения хоть какого-то контакта (минимальной формы обратной связи) с другими людьми или с собой; в противоположность зависимости, «доверие» можно определить как добровольное, а не вынужденное ограничение своих свобод в пользу сохранения и расширения контактов, их превращения в смысловую коммуникацию, а не просто обмен информацией; «ответственность» также связана с самоограничением свобод, но не столько в связи с необходимостью решения собственных проблем, как в случаях зависимости и доверия, сколько с направленностью субъекта на позитивное взаимодействие с другими людьми.

Таким образом, фиксируя в качестве базовых категорий понятия субъекта и сознания, можно вывести из них в качестве производных такие важные, не только в конкретно-практическом, но и в общенаучном плане понятия, как зависимость, доверие и ответственность.

К унитарным концепциям сознания, в противовес комплексному подходу (Антонов Н.П., Велихов В.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А., Гальперин П.Я., Лурия А.Р., Спиркин А.Г., Чуприкова Н.И. и др.), можно отнести подходы Аллахвердова В.М. (теоретические и эмпирические исследования сознания), Бахтина М.М. (критика положения о единстве сознания, полифонический подход к проблеме), Слободчикова В.И. и Исаева Е.И. (психологическая антропология

сознания), Лефевра В.А. (рефлексивные структуры), Швалба Ю.М. (целеполагающее сознание) и др.

Комплексный подход при желании можно развести с системным подходом (Барабанщиков В.А., Братусь Б.С., Горбатенко А.С., Ломов Б.Ф. и др.).

Определения сознания в отечественной психологии строятся через категории отражения (Зейгарник Б.В., Платонов К. К. и др.), рефлексии (Климов Е.А. и др.), самосознания (Столин В.В., Чеснокова И.И. и др.); посредством перечисления определенных признаков сознания (Орлов Ю.М., Чуприкова Н.И. и др.) и интеграции психических новообразований (Божович Л.И.). Во множестве определений сознания отчасти отражено многообразие функций сознания: познание, отношение, целеполагание, регуляция и т.д. в сложной взаимосвязи субъекта (личности, «Я») и окружающего предметно-социального мира. В существующих определениях сознания не всегда осуществляется соотнесение, разведение или конструирование новых дефиниций сознания, соответствующих логике комплексного (междисциплинарного), либо унитарного подходов.

Различные подходы к определению и описанию уровней сознания представлены в концепциях Бехтерева В.М., Выготского Л.С., Леонтьева А.Н., Зинченко В.П., Василюка Ф.Е. и др. В последние годы, определенное распространение, находит концепция Зинченко В.П.. Ее схематизация осуществляется Слободчиковым В.И. и Исаевым Е.И., а также Петриной И.В., Тугушевым И.В. и Маньковой С.В.

Вопросы специфики и взаимосвязи понятий «сознание» и «рефлексия» исследуются в комплексной парадигме (экологическое сознание, экономическое сознание, правовое сознание, политическое сознание и т.д., то есть, в явлениях контакта и свободы, в системах связи: «Я и природа», «Я и закон», «Я и политическое устройство общества» и др.), а также в рамках унитарного подхода (этническое, нравственное сознание), т.е. в явлениях контакта и свободы в системах «Я и другие», «Я в своей общности», «Я в себе».

Лингвистическая точка зрения (сознание существует исключительно в словесном материале и языке) амплифицирована в концепции множественности языков сознания, где язык рассматривается как любой способ намеренного обращения одного «существа» к другому (Донских О.А., Розин В.М., Туллер Д.М. и др.). Сравниваются контакты взаимодействия, сотрудничества и эмоциональные контакты, как факторы развития речи и сознания (Лисина М.И.). Различаются наглядно-действенная, образная и словесная языковые составляющие сознания (Лурия А.Р.).

Выделяются модальные формы (тактильные, обонятельные, вкусовые, зрительные и т.д.) и немодальные (пространство, время, социальные объекты); семантика и взаимопроекция, в концепте «семантическое единство субъективного мира» Артемьевой Е.Ю.

Оппозиция унитарного и комплексного подходов в проблеме языка и сознания снимается семиотическим подходом: язык - любая система знаков (Степанов Ю.С.). Рассматриваются различные семиотические системы (Фреге Г., Абрамян А.А., Якобсон Р., Салмина Н.Г. и др.).

В онтогенетическом плане важной, но малоисследованной категорией общей, и тем более, возрастной психологии является понятие «детское сознание». Важнейшие перемены в сознании ребенка происходят на грани 6-ти летнего возраста, а именно – переход от магического к естественно-научному объяснению мира, разделение физического и психического и др. (Субботский Е.В.). Выявлена предметная специфика осознания в старшем дошкольном возрасте (Салмина Н.Г.). Исследовательское сознание в детском возрасте анализирует Поддъяков А.Н. Особенности подросткового и юношеского сознания достаточно широко освещены в психологической литературе. Однако, в отличие от проблемы развития психики в онтогенезе, проблема развития сознания в онтогенезе мало концептуализирована после работ Б.Г.Ананьева.

Рассмотрение особых состояний сознания, расстройств и нарушений сознания позволяет лучше понять сам феномен человеческого сознания. С классической точки зрения (Зейгарник Б.В.) различные нарушения сознания рассматриваются как нарушения отдельных психических процессов, которые входят в многокомпонентную структуру сознания, либо их комплексов, состояний и личностных проявлений этих состояний (нарушений). Другая точка зрения (Климов Е.А.) рассматривает нарушения как особенность ориентировки (во времени, месте, обстановке, и т.д.), включая деперсонализацию, и ложные восприятие и воспоминания. Структурный подход в проблеме нарушений сознания фиксирует нарушения в картине сознания связанные с гипертрофией в развитии той или иной образующей сознания. В русле структурного подхода психологические (унитарные) концепции нарушений сознания представлены в работах Мясищева В.Н., Василюка Ф.Е. и др.

Несколько иная ситуация в спектре подходов и решений проблемы сознания в Западной Европе и США. В отклике на книгу M.Velmanz'a (2000) (по мнению A.Zeman'a, одной из лучших, написанных о сознании в последнем десятилетии) рецензент объясняет резко возросший интерес к сознанию в науке тремя взаимосвязанными причинами. Первая связана с существенным

прогрессом в развитии нейронауки. Хотя картина еще не полна, нейронные корреляты таких осознаваемых процессов, как зрительное восприятие, эмоции, память начинают проясняться в связи с исследованиями на животных, больных с повреждениями мозга и недавними исследованиями с использованием функционального отображения мозга у здоровых людей. «В то же время, психологи-экспериментаторы преодолели свою нервозность в изучении сознания». Исследование таких феноменов, как слепота, способность некоторых слабовидящих точно угадывать характеристики зрительных стимулов, о которых у них нет осознаваемого зрительного опыта, обещает прояснить различие осознаваемых и неосознаваемых процессов мозга. Третий источник «ветра в парусах исследований сознания» связан с работами в области искусственного интеллекта (Zeman).

Другой, широко известный и весьма активный исследователь сознания, D.Chalmers выделяет три раздела, группирующих все множество проблем: 1. Философия сознания; 2. Философские теории психических явлений (разум, память и др.); 3. Наука о сознании.

Классификация Chalmers'a интересна тем, что в ней, помимо качественной характеристики различных разделов (перечень авторов и названия статей), приводятся также количественные данные (численность публикаций по разделам и составляющим разделы рубрикам). В каждом разделе статьи также группируются по темам: концепции сознания (27 статей), «объяснительный пробел» (34), материализм и дуализм (30), аргументация от знаний (16), материализм и модальность (атрибуты сознания) (29), метафизика сознания (34), панпсихизм (11), «зомби» как проблема сознания (19), качества сознания (цвет и др.) (39), содержание сознания (20), «репрезентациализм» (18), сознание и «мышление высшего порядка» (23), интроспекция и самосознание (28), единство сознания (11), функция сознания (18), различные философские теории сознания (23).

Второй раздел включает 20 групп тем: «Я» и личностная идентичность» (37 статей), «психология обыденного сознания» (35), «интернализм и экстернализм» (34), «свобода воли» (32), «язык и мышление» (27) и др.

Третий раздел включает 16 групп: нейронаука визуального сознания (24), сознание и нейронаука (34), когнитивные модели сознания (36), неосознаваемое восприятие (18), «имплицитная» память (15) и учение (10), многообразие слепоты и «слепота невнимания» (14), визуальное сознание (8), сознание и психология (24), сознание в истории психологии (30), сознание и время (7), сознание животных (13), сознание и искусственный интеллект (11), сознание и физика (37), феноменология (38) и др.

Несмотря на обилие работ, как заключает Д.Чалмерс, «сознание упорно сопротивляется научным попыткам решения», а «некоторые исследователи приходят к выводу, что проблема не имеет решения» (D.Chalmers, 1995).

Всю проблематику сознания Д.Чалмерс делит на две группы по критерию трудности решения. К первой группе он относит относительно простые задачи, связанные с проблемой, ко второй – собственно проблему, представляющую большую трудность, и объясняет причины и характер этих трудностей. Следует отметить, что целый ряд «редукционистских» решений Чалмерс относит к ложным решениям и считает, что можно найти «натуралистическое» нередукционистское объяснение сознания, базирующееся на принципах структурной когерентности, организационной инвариантности и двух-аспектного рассмотрения информации.

По Чалмерсу нет одной проблемы сознания. «Сознание» двусмысленный термин, относящийся к множеству различных феноменов. Каждый из этих феноменов необходимо объяснять. Однако некоторые из них легче поддаются объяснению, чем другие. К легким задачам проблемы сознания Чалмерс относит те, которые поддаются решению стандартными методами когнитивной науки, посредством которых феномен объясняется в понятиях когнитивной логики («вычислений») или нейронных механизмов. Трудные задачи не поддаются решению этими методами.

Легкие задачи проблемы включают, в частности, объяснения таких феноменов, как способность различать, категоризировать и реагировать на внешние стимулы; обобщение информации когнитивного характера; способность сообщать о своих внутренних состояниях; способность фокусировать внимание; намеренный контроль поведения; различие между бодрствованием и сном и др.

Все эти феномены связаны с понятием сознания и могут быть успешно объяснены с позиций когнитивной науки и нейронауки.

Реально трудной для объяснения сознания является проблема субъективного опыта (experience). Когда мы мыслим и воспринимаем – имеет место «шум» (whir) информационного процесса, но также имеют место субъективный аспект – нечто похожее на сознающий организм. Этот субъективный аспект (experience) – различные ощущения, восприятия, эмоции, мысли и т.д. Несомненно, что некоторые организмы – субъекты «experience», но как это осуществляется – вопрос, приводящий в тупик.

Широко принято, что «experience» возникает из физической основы, но у нас нет хорошего объяснения, почему и как это происходит. Почему физические процессы приводят к возникновению богатой внутренней жизни?

Чалмерс предлагает понятийно дифференцировать термины «qualia», «awareness», «conscious experience» и «consciousness», которым очень сложно найти эквиваленты в русском языке.

Чтобы избежать путаницы (по Чалмерсу), нужно сохранить за термином «consciousness» значение феномена (явления) опыта («phenomena of experience»); используя менее нагруженный термин «awareness» для более «открытого» (известного, объясненного?) феномена, описанного ранее как функциональность. Однако в большинстве работ выделенные понятия используются как синонимы.

Функциональность по Чалмерсу, в конечном счете, сводится к способности к словесному отчету о внутренней информации; восприятию информации из окружения и способности использовать ее для управления поведением, соответствующим способом. Обсуждая распространенный способ объяснения той или иной функции (механизма), Чалмерс называет его редукционистским. Например, для объяснения учения, необходимо объяснить, как системы поведенческих способностей модифицируются в «свете» информации из окружения и способы, которыми новая информация может быть получена для поддержания адаптации приспособленности действий системы к ее окружению. Если мы показываем, как нейронный или «вычислительный» механизм делает это, то тем самым объясняем учение, то же мы можем сказать для других когнитивных явлений (перцепция, память, язык).

Согласно Чалмерсу, этот тип объяснения не годится для случая сознаваемого опыта. То, что делает трудную проблему трудной выходит далеко за пределы представления о функциях. Даже в тех случаях, когда мы объясняем действие когнитивных и поведенческих функций в приближении к опыту сознания (перцепция, категоризация, словесный отчет), то все еще остается невыясненный вопрос: Почему осуществление этих функций сопровождается осознанием? Простое функциональное объяснение оставляет этот вопрос открытым.

По Чалмерсу ключевой вопрос проблемы сознания, это вопрос о том, почему информационные процессы различения, обобщения и т.д. не свободны от внутренней чувствительности (субъективный опыт, переживание, сознание)?

Отсутствие ответа обозначается как «объяснительный пробел» между функциями и опытом сознания; необходим «объяснительный мост», материалы для которого еще предстоит найти. Согласно Чалмерсу, для объяснения сознания необходим новый подход. Обычные объяснительные методы когнитивной науки и нейронауки недостаточны. Обычные объяснительные методы когнитивной науки и нейронауки недостаточны.

Оценивая редукционистские методы (методы объяснения высокоуровневых явлений целиком в терминах фундаментальных физических процессов) Чалмерс заключает, что они хорошо работают во многих областях научного знания, т.к. то, что объясняется в этих областях – это структуры и функции, и это вещи такого рода, которые являются следствием физического устройства. Когда они используются для объяснения «надструктурных» и «надфункциональных» образований, то эти методы бессильны для нефизических структур и функций. Чалмерс предлагает следующее нередукционистское объяснение. По аналогии с физической наукой, в которой существует несколько базовых характеристик (масса, пространство, время), не объясняемых более простыми сущностями – и когда физикам не удалось объяснить электромагнитные волны механическими явлениями, они постулировали также электромагнитные явления как фундаментальную характеристику, Чалмерс полагает, что нередукционистская теория принимает сознание в качестве фундаментальной характеристики не только в известном ряду: масса, заряд, пространство-время, но и окружающего мира.

Известно, что, где фундаментальное свойство, там и фундаментальные законы. Нередукционистская теория сознания дополняет новыми принципами совместимость основных законов природы, тем самым, делая возможным объяснение сознания.

Конечно, признает Чалмерс, мы не получаем и в этом случае ответа на вопрос почему. Но это аналогично любой фундаментальной теории. Ничто в физике не говорит о том, почему материя первична, но мы не рассматриваем это как аргумент против теории вещества, которая может объяснить все типы материальных явлений, показывая, как они выводятся из базовых законов. То же может быть для создаваемого опыта, считает Чалмерс. Такая позиция определяется как разновидность дуализма. Но это безвредная версия дуализма всецело совместимая с научным мировоззрением. Такой подход не противоречит физической теории; нам просто необходимы дальнейшие соединительные принципы для объяснения того, как сознание возникает из физических процессов. В такой теории нет ничего мистического. Такую позицию Чалмерс называет «естественным (научным) дуализмом».

Если эта точка зрения верна, то теория сознания должна иметь больше общего с теорией в физике, нежели в биологии. Биологические теории не содержат подобных фундаментальных принципов, поэтому биологическая теория отличается определенной комплектностью и не вполне упорядочена. Физические теории, имея дело с фундаментальными принципами, стремятся к простоте и

элегантности. По мнению Чалмерса, теория сознания должна также отличаться простотой, элегантностью и красотой.

Нередуccionистская теория сознания включает психофизические принципы, связывающие свойства физических процессов со свойствами психического опыта. Чалмерс рассматривает в качестве таковых следующие:

Принцип структурной когерентности

Это принцип связи (согласованности) между структурой сознания (consciousness) и структурой процессов, находящихся в когнитивном основании субъективного опыта (awareness). Согласно Чалмерсу, содержание «awareness», это содержание прямо доступное (достижимое) и потенциально отчетное (reportable), т.е. осознаваемое в системе, использующей язык. Таким образом, awareness это чисто функциональное понятие, но, тем не менее, оно тесно связано с сознанием. В известных случаях, где мы находим сознание и «awareness» (там, где есть осознаваемый опыт), там и некоторая соответствующая информация в когнитивной системе, которая в распоряжении контроля за поведением и в доступе для отчета. Обратно, когда информация в наличии для отчета и полного контроля, там и соответствующий осознаваемый опыт. Таким образом, имеется прямое соответствие между consciousness и awareness. Это соответствие может быть распространено далее. Центральный факт переживаемого опыта это его сложная (комплексная) структура. Существуют также отношения сходства и различия между переживаниями (тем или иным опытом), и отношения в таких вещах, как относительная интенсивность. Каждый из предметов опыта (experience) может быть частично охарактеризовано и разложено на составные части в терминах этих структурных свойств: сходство и различие отношений, воспринимаемое положение, относительная интенсивность, геометрическая структура и т.д. Центральным фактом является также то, что для каждой из этих структурных характеристик существует соответствующая характеристика в информационно-процессуальной структуре «awareness» (a).

Чалмерс рассматривает цветоощущение в качестве примера. Для каждого различия между цветовым опытом есть соответствующее различие в процессе. Различные феноменальные цвета, которые мы ощущаем, формируют комплекс – трехмерное пространство, основанное на различиях по оттенку (цветовой тон), насыщенности и интенсивности. Свойства этого пространства могут быть получены также из информационно-процессуального рассмотрения: проверка визуальных систем показывает, что световые волны различаются и анализируются по трем различным осям, и это и есть трехмерная информация, которая релевантна последующему процессу.

Трехмерная структура феноменального цветового пространства, таким образом, прямо соответствует трехмерной структуре визуального *awareness*. Аналогично для других модальностей.

В общем, любая информация, которая сознательно воспринимается, является также когнитивно представленной.

Принцип структурной когерентности оказался весьма полезным в непрямом объяснении субъективного опыта в терминах физических процессов. Например, мы можем использовать факты о нервных процессах визуальной информации для косвенного объяснения структуры цветового пространства.

Этот принцип обеспечивает естественное объяснение многих работ по проблеме сознания.

Принцип организационной стабильности

Этот принцип означает, что любые две системы с одинаковой *функциональной* организацией будут иметь качественно идентичный опыт (*experience*).

Согласно этому принципу причины появления сознания (*experience*), не специфический физический продукт системы, а абстрактная модель причинного взаимодействия между компонентами системы. Чалмерс признает, что принцип весьма дискуссионный и использует мысленный эксперимент для доказательства этого принципа.

Двухаспектная теория информации

Два предыдущих принципа не носят базового (основополагающего) характера. Они включают понятия высокого уровня: «*awareness*» и «*organization*». Далее необходимы базовые принципы. Основной принцип, который Чалмерс предлагает как центральный, включает понятие информации, понимаемой в смысле Шеннона. Информационное пространство имеет базовую структуру из различных отношений между его элементами, характеризующими пути, по которым различные элементы в пространстве похожи или различны. Информационное пространство это абстрактный объект, но, следуя Шеннону, мы можем рассматривать информацию как физически встроенную, когда имеется пространство различных физических состояний, различие между которыми может передаваться некоторыми причинными путями (*causal pathway*). Состояние, которое передается можно рассматривать как самоконструирующее в информационном пространстве. Для пояснения Чалмерс заимствует фразу Bateson (1972) – физическая информация это различие, которое делает различие (*a difference that makes a difference*).

Двухаспектный принцип основан на наблюдении, что существует прямой изоморфизм между определенными физически-

встроенными информационными пространствами и определенными феноменальными информационными пространствами.

Далее Чалмерс предполагает, что информация имеет два основных аспекта – физический аспект и феноменальный аспект, что объясняет появление психического из физического. Психическое появляется благодаря своему статусу одного из аспектов информации, когда другой аспект обнаруживается встроенным в физический процесс.

Автор признает умозрительность (предположительность) предлагаемого принципа и множество нерешенных вопросов в связи с этим.

Работы Чалмерса вызвали многочисленные отклики как критического, так и поддерживающего характера. Так, известный исследователь проблемы D.Dennett выступил против идеи Чалмерса «сортировать» проблемы сознания на легкие и трудные, считая, что такой подход уводит внимание исследователей в сторону (D.Dennett, 1996). Против деления проблемы сознания на легкие и трудные выступил также E.J.Lowe, который считает, что это иллюзия думать, что есть легкая проблема, поддающаяся решению использованием вычислительной (когнитивизм) или нейронной парадигм (E.J.Lowe, 1995).

D.Hodgson доказывает, что некоторые легкие проблемы сознания не могут быть решены, пока не решены трудные (D.Hodgson). Используя систему логически связанных утверждений S.Horst доказывает, что если трудная проблема сознания не может быть решена физикалистски, то и эволюционно она не решается. (S.Horst).

W.Seager, соглашаясь с Чалмерсом в том, что не видит иного решения проблемы объяснения «как материальные процессы могут порождать сознание», в то же время приходит к выводу, что предположение Чалмерса о сознании как фундаментальной характеристике мира вызывает у автора ассоциацию с некоторой формой пансихизма (W.Seager).

Анализируя трудную проблему (почему физические процессы приводят к осознаваемому феноменальному опыту) E.Mills приходит к выводу, что теоретическое построение Чалмерса не может помочь в ее решении (E.Mills).

B.Libbet также находит изъяны в теории Чалмерса и опираясь на собственные экспериментальные исследования мозговых процессов, объясняет сознание как эмерджентное свойство нейронной активности.

J.Shear считает, что «трудную проблему» необходимо исследовать также систематически как и явления материи, привлекая,

в частности данные соотнесения психического и физического развития в раннем детстве, а также систему представлений Восточной культуры и опыт изучения «чистого сознания».

F.J.Varela, подвергая сомнению основное положение Чалмерса, развивает авторский подход, инспирированный стилем феноменологических исследований, названный «нейрофеноменологией».

T.W.Clark критикует взгляд на сознание как на нечто, сопровождающее или продуцируемое состояниями нейронов, нечто выходящее за пределы функционирования когнитивных процессов, реализуемых в мозге. Такая точка зрения создает, по мнению автора, ситуацию «объяснительной дыры» между функцией и феноменологией, которая не может быть преодолена функциональной теорией психики. Автор рассматривает гипотезу об идентичности субъективного переживания определенной информации, порождаемой контрольно-поведенческой функцией. Эта гипотеза объясняет, как считает T.W.Clark, изоморфизм между структурой переживания и нейронной организацией, обеспечивая естественное объяснение сознания как относительных свойств информационных состояний, а не отдельная онтология феноменальных сущностей.

Объединяя множество исследований по проблеме сознания понятием «наука сознания» (The Science of Consciousness), M.Velmans обстоятельно обсуждает вопросы дефиниции и местонахождения сознания. Автор констатирует наличие множества определений и общеупотребительных терминов «consciousness», «awareness», «conscious awareness» (иногда «phenomenal awareness») как синонимов.

Как отмечает M.Velmans (1996), в некоторых произведениях «сознание» (consciousness) синонимично с «психикой» (mind), что, по мнению автора, слишком расширяет определение сознания, включая в него и бессознательные психические процессы.

В других произведениях сознание синонимично с самосознанием (self-consciousness). Такое определение, считает M.Velmans, слишком узкое, т.к. человек может сознавать также другие вещи (других людей, внешний мир и т.д.) помимо себя.

В споре Дуализм-Редукционизм М.Велманс занимает особую позицию, развивая собственную теорию «отраженного» (reflexive consciousness) сознания.

Анализируя позиции дуализма и редукционизма в решении вопроса о локализации сознания, М.Велманс приходит к выводу, что «классические дуалисты и редукционисты, страстно не соглашаясь по вопросу о том, где оно находится – где-то в мозгу» (M.Velmans, 1996),

вполне солидарны в решении вопроса определения и функций сознания.

М.Велманс считает вполне редукционистским тезис о том, что научные изыскания приведут к открытию нейронной основы сознания и объяснению явлений сознания в терминах нейронауки и, тем самым, будет показано, что сознание – это не более чем состояние мозга. Возражение М.Велманса состоит в том, что «причины онтологически не идентичны производимым эффектам», что иллюстрируется на примере явлений электричества и магнетизма (движение провода через магнитное поле вызывает электрический ток, текущий по проводу, но это не значит, что электроток онтологически идентичен движению провода; также неверно говорить, если обратить этот эксперимент, что ток, текущий в проводе онтологически идентичен окружаемому провод магнитному полю, возникающему в результате).

Как отмечает М.Велманс, почти все теории, рассматривающие отношения «сознание-мозг», полагают, что предшествующие нейронные причины, вызывающие данный сознаваемый опыт, могут быть в принципе найдены, притом, что пока существуют очень разные точки зрения на природу эффекта. Так, «интеракционистский дуализм» допускает два способа причинного взаимодействия сознания с мозгом; эпифеноменализм полагает, что состояния мозга вызывают осознаваемый опыт, но не наоборот; эмерджентный интеракционизм полагает, что сознание появляется из мозговой активности и затем превосходит ту активность, из которой она произошла.

Предполагаемая М.Велмансом отражательная модель (reflexive model), как считает автор, также стимулирует научные исследования нейронных и психологических причин сознаваемого опыта, но только с позиций, что ощущение, переживание и т.д. локализуется не в головном мозге, а в точке воздействия (палец или другой участок тела в случае укола булавкой) посредством механизма, названного М.Велмансом «перцептуальной проекцией» («perceptual projection»). Для иллюстрации механизма М.Велманс обращается к примерам фантомной конечности (рука, нога). Автор считает, что «перцептуальная проекция» - общий механизм работы сознания и в других модальностях (слух, зрение).

«Отражательная модель» позволяет определить, как сознание относится к мозгу и к физическому миру, не обращаясь к дуализму и не скатываясь в редукционизм.

Сознание (experiences) возникает из отраженного взаимодействия иницирующего стимула с перцептуальным процессом. Это взаимодействие результатится в сознаваемом феноменальном мире, который включает то, о чем мы обычно думаем как о «физическом мире». Это то, что мы обычно принимаем, как

физический мир, есть часть того, что мы сознательно испытываем; это не то, что в стороне от этого. Если так, то не может быть несоединимого «мостом» раздельного содержания сознания от воспринимаемого (experienced) физического феномена.

Подводя весьма предварительный итог этому весьма неполному обзору философско-психологических работ по проблеме сознания в США и Европе, отметим наиболее заметные различия в разработке проблемы.

Если в Российской психологии исследовательское внимание концентрируется, главным образом, на вопросах определения и структуры сознания, то в зарубежной науке на, так называемой «трудной проблеме сознания», т.е. на вопросах: «Почему появляется сознание и как оно связано с физическим миром?» (B.Baars, D.Chalmers D.Dennett, J.Searle, J.Shear, F.Varela, M.Velmans и др), достаточно проработанных в Российской психологии с философских позиций диалектического и исторического материализма. Вместе с тем, следует отметить, что словосочетание «Российская психология» концептуально неоднородно в пространственно-временном отношении. Дореволюционный, советский и постсоветский периоды, существенно отличаясь по территориально-политическому и социально-экономическому устройству государства, конечно, сказались на тенденциях развития психологической науки в России, особенно значительно, в связи с идеологическим диктатом, в советский период, который характеризуется, тем не менее, и значительными достижениями в теоретической психологии. И хотя, в ретроспективном плане важно учитывать каким было, по выражению В.П.Зинченко, «сознание психологов» советской эпохи («кто за совесть, а кто за страх» исповедовал марксистскую философию. См. В.П.Зинченко «Мысль и слово Густава Шпета», М., 2000,. С. 128), в проспективной оценке можно констатировать, что общими усилиями была выстроена достаточно стройная система научных психологических знаний, которой органично предшествовали многие работы дореволюционного периода, а перестроечное брожение мало, что изменило за исключением устраненного изобилия ссылок и цитат из классиков марксизма-ленинизма.

Можно сожалеть, критически относиться или даже отвергать философскую диалектико-материалистическую основу отечественной психологии, но невозможно не признать как исторический факт, что именно эта методология определила лицо Российской психологии. Поэтому изменения, совершенствование, развитие – вполне возможны и корректны, но категорический отказ равносителен потере лица. Кроме того, нельзя не отметить и плюсы, связанные с избранной методологией. Это, в частности, снятие проблемы Декартовского

дуализма или различного рода редукционизма в объяснении сознания. Что касается полного решения проблемы взаимосвязи телесного и психического (body-mind), или более широко, материального и идеального (психического, сознательного), т.е. ответа на вопросы, почему и как сознание возникает и взаимодействует с мозговыми, нейрофизиологическими процессами, то развитие унитарного и междисциплинарного подходов будет способствовать встречному движению в решении проблемы. (Акопов, 2002).

Литература

1. Акопов Г.В. Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. Самара, 2002.
2. Зинченко В.П. Мысль и слово Густава Шпета. М., 2000.
3. Chalmers, D.J. (1995), 'Facing up to the problem of consciousness', JCS, 2 (3), pp. 200-19.
4. Clark, T.W. (1995), Function and Phenomenology: closing the explanatory gap. JCS, 2(3), pp.241-55.
5. Dennett, D.C. (1995), Darwin's Dangerous Idea (New York: Simon and Schuster).
6. Hodgson, D. (1996), The easy problems ain't so easy. JCS, 3(1), pp. 69-75.
7. Libbet, B. (1996), Solutions to the problem of consciousness. JCS, 3(1), pp. 33-35.
8. Lowe, E.J. (1995), There are no easy problems of consciousness. JCS, 2(3), pp. 266-71.
9. Mills, E. (1996), Giving up on the hard problem of consciousness. JCS, 3(1), pp. 26-32.
10. Seager, W. (1995), Consciousness, information and panpsychism. JCS, 2(3), pp. 272-88.
11. Shear, J. (1996), 'The hard problem: Closing the empirical gap', JCS, 3 (1), pp.54-68.
12. Varela, F.J. (1996), Neurophenomenology: A Methodological Remedy for the Hard Problem. JCS, 3(4), pp. 330-49.
13. Velmans, M. (1990), 'Consciousness brain, and the physical world', Philosophical Psychology 3(1): 77-99.
14. Velmans, M. (1993), 'A reflexive science of consciousness, in Experimental and theoretical studies of consciousness', Ciba Foundation Symposium №176, Wiley, Chichester.
15. Velmans, M. (2000), Understanding consciousness. London: Routledge, pp.308.
16. Zeman, A. The paradox of consciousness. Lancet, 01.06/2001, Vol. 357 Issue 9249, p.77.

Социальная психология

Перелыгина Е. Б.

Эмпирическое исследование имиджа как интересубъектного взаимодействия (продолжение)

Осмысление психологической сущности имиджа как явления и как теоретической проблемы, его эмпирическое исследование являются актуальными и перспективными направлениями развития современной психологической науки. Автор на примере формирования корпоративного имиджа показывает возможности применения созданной концепции имиджа как феномена интересубъектного взаимодействия, в связи с чем приводит и анализирует результаты собственного исследования соотношения внешнего и внутреннего имиджа крупных организаций и предприятий Уральского региона.

Ключевые слова: корпоративная культура, внешний и внутренний имидж организации, интересубъектное взаимодействие, восприятие и изменение имиджа.

В связи с отказом от командно-административных методов управления в нашей стране на смену им пришли методы, основанные на убеждении и иных средствах социально-психологического воздействия, среди которых важное место занимает имидж. Понимание того, что имидж руководителя, специалиста, государственного служащего является одной из существенных составляющих профессиональной компетентности, получает все более широкое распространение не только среди ученых, но и среди руководителей и должностных лиц. Об этом свидетельствует как результаты проводимых исследований, так и расширяющаяся практика обращения руководителей крупных предприятий и организаций различной формы собственности, государственных и муниципальных органов к специалистам в области имиджа. Так, разработанные автором подходы к формированию имиджа применялись в ходе разработки стратегии и тактики избирательных компаний на муниципальном уровне; элементы теории имиджа как феномена интересубъектного взаимодействия и практические рекомендации по его созданию и изменению включены в программу цикла семинаров по повышению эффективности работы управленческого персонала среди руководителей предприятий и служб одного из муниципальных образований в Уральском регионе.

Значительное внимание проблематике имиджа уделяют ученые, работающие в русле акмеологического подхода. Ключевыми

понятиями для акмеологии выступают такие понятия, как мастерство, развитие, зрелость, способности, совершенствование, сознание, личность, индивидуальность и др. [1]. Акмеология изучает «закономерности достижения человеком вершины в своем индивидуальном, личностном и субъектно-деятельностном развитии» [2]. Предметом акмеологии, как указывает один из ее основоположников, А.А.Деркач, являются «закономерности, психологические механизмы, условия и факторы, содействующие прогрессивному развитию зрелой личности и ее высоким профессиональным достижениям» [2]. В соответствии с этим, акмеологические исследования имиджа направлены главным образом на выявление резервов его оптимизации, повышение продуктивности имиджеобразующей деятельности. Разработкой акмеологических аспектов восприятия и изменения имиджа в различных сферах социальной жизни занимаются Е.Н.Богданов, А.В.Гармонова, А.А.Деркач, В.Г.Зазыкин, З.М.Зотова, Н.В.Кузьмина, А.К.Маркова, А.Ю.Панасюк, А.А.Реан, А.А.Семика, Ю.В.Синягин, Р.Ф.Фурс и др.

Сама постановка вопроса о продуктивности имиджеобразующей деятельности и оптимизации имиджа как феномена интересубъектного взаимодействия привносит в исследование имиджа такой принципиально важный, на наш взгляд, аспект, как выяснение возможностей целенаправленного поступательного развития. Тем самым, через характеристику структуры предмета исследования задается методологический цикл самого исследования: от (1) феноменологии предмета исследования – через (2) обнаружение и признание в предмете исследования вектора развития, движения к зрелости и совершенству – к (3) познанию конкретных объективных закономерностей этого развития – и (4) выявление механизмов, посредством которых это развитие реализуется, переходит из идеального плана, плана возможности в действительный план, план достижения. Завершение этого цикла обеспечивает научный фундамент для построения полной концепции предмета исследования, которая, в свою очередь, служит теоретико-методологическим базисом для разработки гуманитарных технологий, направленных на практическую реализацию того самого развития, движения к зрелости и совершенству, возможность которого показана теоретически на втором шаге исследовательского цикла. Логика этого цикла была использована нами в исследовании, посвященном возможностям оптимизации процесса формирования имиджа профессионала [7].

Интервьюирование руководителей крупных предприятий и организаций Уральского региона, осуществленное в рамках исследования, проводимого по разработанной автором программе в январе 2004 г., показало, что более 60% респондентов (общее число

интервьюируемых составило 37 человек) считают, что оптимальный имидж руководителя помогает в решении управленческих вопросов. Среди подтверждающих высказываний приведем следующие: «положительный имидж руководителя ассоциируется с имиджем компании», «...имидж предполагает доверие клиентов, партнеров, сотрудников».

Весьма показательно, что респонденты в своих ответах в качестве сферы восприятия и изменений имиджа указывают как внутреннюю, так и внешнюю среду организации, а также отмечают влияние индивидуального имиджа руководителя на имидж компании. Необходимо отметить, что, в соответствии с широким определением субъекта, утвердившемся в современной социальной психологии и акмеологии, мы, используя понятие «субъект имиджа» в широком смысле, понимаем под ним любой субъект, участвующий в имиджевом взаимодействии. Этот субъект может быть представлен не только индивидом, но также социальной группой или организацией, при этом его системные качества, безусловно, будут, так или иначе, отражаться на протекании имиджевого взаимодействия и его результатах.

Нами была выдвинута гипотеза о существовании прямо пропорциональной зависимости между уровнем продуктивности имиджа социального субъекта и уровнем его внутренней организации. Эта гипотеза получила подтверждение в ряде исследований. В частности в ходе исследований, осуществленных в 2001 – 2002 гг. в организациях топливно-энергетического комплекса Урала и Сибири были выявлены корреляции между отдельными показателями уровня корпоративной культуры организации и показателями продуктивности ее внутреннего и внешнего имиджа [6].

Исследования внутренней структуры корпоративного имиджа были продолжены в феврале – марте 2004 г. В качестве объекта исследования выступили две фирмы с общим профилем деятельности (рекламно-издательским), их внутренний и внешний имидж в соотношении с корпоративной культурой (Фирма 1: Рекламно-информационное агентство и Фирма 2: Рекламно-издательский концерн). Выборку составили ведущие сотрудники фирмы 1 (44 человека) и ведущие сотрудники фирмы 2 (39 человек). Наряду с анкетным опросом (в анкете преобладали открытые вопросы) было осуществлено глубинное интервьюирование руководства обеих фирм, а также были использованы проективные методики, в частности, методика «10 слов» (испытуемому предлагается в течение ограниченного времени написать 10 слов, которые у них ассоциируются со своей фирмой) и рисуночная методика bubbles

(испытуемым предлагалось «одеть» куклу-шаблон, так, чтобы она ассоциировалась с образом фирмы).

Анализ ответов на вопросы анкеты дал следующие результаты. В ответах на вопрос «Что такое имидж организации?» сотрудники обеих фирм выразили свое понимание корпоративного имиджа преимущественно как внешнего имиджа организации (символического образа компании, создаваемого у клиентов, партнеров и других лиц). Лишь 7 ответов из 83 относились к описанию внутреннего имиджа организации (например: «Имидж – это «поведение сотрудников», «Имидж – это профессионализм и качество работы сотрудников», «Имидж – это уважение к клиентам», «Имидж – это внутренняя атмосфера»), причем шесть ответов из этих 7 принадлежали сотрудниками Фирмы 2.

В ответах на вопрос «Для чего нужен имидж организации?» также доминировала преобладающая ориентация на внешний имидж. Все сотрудники Фирмы 1 считают, что основная функция корпоративного имиджа – это позиционирование организации во внешней среде (например: «имидж нужен привлечения новых клиентов», «для создания общественного мнения», «для поддержания рейтинга», «для престижа» и т.д.); такого же мнения придерживается подавляющее большинство сотрудников Фирмы 2, среди которых, однако нашлось 4 человека, которые ответили, что имидж нужен «для сплоченности коллектива», «для настроения», «создает у работников гордость за место работы», «чтобы отличаться от других», то есть учли существование наряду с внешним имиджем внутреннего.

Эти результаты особенно интересны в свете ответов респондентов на вопрос о том, каков, по их мнению, имидж их организации. Во-первых, обратило на себя внимание преобладание оценочных ответов над описательными. Так, *сотрудники фирмы 1* считают, что имидж их организации «положительный», «устойчивый», «солидный, прочный» и т.д., характеризуют свою организацию как «солидное заведение, обеспечивающее высокое качество своей деятельности и отличающееся доброжелательным отношением к своим клиентам». Во-вторых, сотрудники Фирмы 1 описывают имидж через позиционирование организации на внешнюю среду, в то время, как некоторые из сотрудников Фирмы 2 интерпретируют корпоративный имидж в первую очередь как внутренний, что вполне согласуется с ответами на предыдущие вопросы. В-третьих, если все сотрудники Фирмы 1 характеризуют имидж своей организации как положительный, то некоторые сотрудники Фирмы 2 оценивают его негативно («имидж еще сырой», «очень разный в глазах разных людей», «на данный момент непроработан», «средний, чего-то недостает» и т.п.), а 2 человека

ответили неопределенно («Не знаю», «Затрудняюсь ответить»). В целом сотрудники Фирмы 1 оценивают свою организацию положительно, сотрудники Фирмы 2 – скорее отрицательно, чем положительно. Сопоставление этих ответов с ответами на предыдущие вопросы указывает на следующую закономерность: когда сотрудники довольны фирмой, то внутренний имидж не осознается ими, поскольку их отношения с фирмой строятся по принципу партиципации, они ощущают себя частью фирмы и не воспринимают ее как отдельный субъект. Если же такая «сопричастность» отсутствует, то в сознании сотрудников внутренний имидж организации актуализируется как образ отдельного от них субъекта, причем далеко не всегда позитивный. С этими тезисами коррелируют результаты, полученные в ходе анализа данных проективных методик.

Данная гипотеза, выдвинутая в ходе исследования, получила частичное подтверждение в результатах интервьюирования руководителей двух фирм, в ходе которого выяснилось, что, в отличие от руководства Фирмы 1, руководство Фирмы 2 не только не уделяет должного внимания формированию имиджа фирмы у сотрудников, но и не имеет четких представлений о том, каким должен быть этот имидж.

Таким образом, существует следующее, на первый взгляд, парадоксальное соотношение: там, где у руководства отсутствует представление о внутреннем имидже фирмы, такое представление стихийно формируется у персонала, причем скорее негативное, чем позитивное. И наоборот, если руководство фирмы осознанно и целенаправленно формирует внутренний имидж организации, то сотрудники, воспринимая этот имидж на подсознательном уровне, как позитивный, однако предметом рефлексии для них он не становится.

Интересно, что при этом в ответах на вопрос: «От чего зависит имидж организации?» - сотрудники Фирмы 1 указали целый набор различных факторов, которые, по их мнению, могут повлиять на имидж фирмы (в их числе были названы такие факторы, как: поведение сотрудников, качество продукта, маркетинговая политика фирмы, фирменный стиль и др.). Из контекста ответов понятно, что все они имели в виду внешний имидж. С другой стороны, ответы сотрудников Фирмы 2 отличались заметно меньшим разнообразием, более половины из них сводилось к тому, что все зависит от политики и стиля руководства, но в каком направлении должен действовать руководитель, не расшифровывалось.

Как видим, неблагоприятное положение с внутренним имиджем, актуализируя для сотрудников эту составляющую имиджа фирмы, не только «заслоняет» в их сознании проблемы формирования

внешнего имиджа, но и делает их менее инициативными в вопросах имиджа, склонными больше полагаться на руководство.

Ответы на остальные вопросы анкеты показали, что сотрудники обеих фирм единодушно считают, что имидж организации можно целенаправленно формировать и изменять, однако при этом среди сотрудников Фирмы 1 значительно меньше тех, кто считает, что этим должно заниматься руководство, в то время, как среди сотрудников Фирмы 2 их оказалось более 60%. В целом представление о корпоративном имидже у сотрудников Фирмы 1 - более детализированное, чем у сотрудников Фирмы 2. Кроме того, его можно назвать более технологичным, в том смысле, что в ответах появляется интерес к формированию и улучшению имиджа фирмы, присутствуют суждения о том, какими способами это можно делать, при том, что речь идет исключительно о внешнем имидже. Представления об имидже своей организации сотрудников Фирмы 2 можно охарактеризовать как фаталистические: выражая неудовлетворенность имиджем своей организации, они в то же время в вопросах его изменения полагаются целиком на руководство, причем из контекста ответов понятно, что имеется в виду в первую очередь внутренний имидж.

На прямой вопрос: «Влияет ли имидж фирмы у сотрудников на имидж фирмы у клиентов?» сотрудники обеих организаций ответили утвердительно. Однако сотрудники Фирмы 1 в своих ответах отмечали преимущественно позитивное влияние («Мы вносим часть своего имиджа клиенту»; «Искреннее уважение сотрудников к своей фирме располагает клиентов к доверию, уважению»); в то время, как сотрудники Фирмы 2 полагают, что влияние на клиентов происходит том случае, когда у сотрудника есть личные проблемы, которые «выливаются на клиента – это плохо сказывается на имидже».

На основании результатов исследований корпоративного имиджа 2001 – 2002 г.г. нами была сформулирована концепция соотношения внутреннего и внешнего имиджа, состоящая в том, что необходимым условием создания внутреннего имиджа организации является усвоение корпоративной культуры данной организации всеми ее членами. Это происходит посредством самокатегоризации сотрудников как членов организации на основе общности поведения и установок, культивируемых руководством в рамках корпоративной культуры. Возникающий в результате этого процесса внутренний имидж, как мы считали, включает в себя, наряду с персонализированным образом организации, и осознание собственной принадлежности к ней и в этом смысле частично совпадает с индивидуальным имиджем членов организации, благодаря чему и

происходит трансляция внутреннего имиджа во внешнюю среду, трансформирующая его во внешний имидж [6].

Новые результаты позволили внести уточнения в эту концепцию. Необходимость этих уточнений вызвана тем, что исследования 2001 -2002 гг. осуществлялись на базе организаций, в которых проводился эксперимент по трансформированию корпоративной культуры (переходу от корпоративной культуры авторитарного типа к корпоративной культуре партиципативного типа). Необходимость смены корпоративной культуры, как и общее направление предстоящих изменений, осознавались руководством; мероприятия по трансформации корпоративной культуры осуществлялись при методической поддержке консультантов по работе с персоналом и выражались в интенсивных корпоративных тренингах, выпуске печатной продукции (брошюр, листовок), разъясняющей стратегические цели компаний и основные принципы их маркетинговой политики, модификации компенсационной системы, интенсивных контактах руководителей предприятия с менеджерами и др. Иными словами, базой исследования послужили организации, в которых категоризация сотрудниками себя как членов организации была успешно осуществлена. О характеристиках внутреннего имиджа организаций, в которых дела в этой области обстоят не столь успешно, вопрос не ставился, как не ставился и вопрос о степени осознанности этого имиджа сотрудниками. В фокусе исследования находились механизмы успешного формирования внутреннего имиджа организации и его трансляции на внешнюю аудиторию.

Поэтому результаты, полученные весной 2004 г., позволяют дополнить и уточнить ранее сформулированную концепцию, расширив сферу ее применимости. Во-первых, как мы выяснили, внутренний имидж организации не всегда осознается самими сотрудниками как имидж. В случае успешного его формирования он не отделяется в их сознании от самой фирмы, частью которой они считают себя. Поэтому под имиджем фирмы в таких случаях сотрудники понимают ее внешний имидж. В случае же неуспешного формирования внутреннего имиджа он актуализируется в сознании сотрудников как негативный образ фирмы. Причем в этом случае под «имиджем фирмы» сотрудники подразумевают именно внутренний, а не внешний имидж, то есть собственное негативное представление о своей фирме. Таким образом, отношение сотрудников фирмы с позитивным внутренним имиджем, к внешнему имиджу своей фирмы является продуктивным, в отличие от отношения к внешнему имиджу своей фирмы сотрудников фирмы с негативным внутренним имиджем, которое можно охарактеризовать как непродуктивное.

Данная концепция корпоративного имиджа носит характер теоретической гипотезы, которая требует дополнительного подтверждения и дальнейшего уточнения и развития путем новых экспериментов и шагов в теоретическом анализе.

В целом же корпоративный имидж обладает некоторыми свойствами предметного имиджа. Это проявляется, в частности, в том, что при создании образа организации ее имидж обычно наделяется субъектными характеристиками, в связи с чем, подобно предметному имиджу, корпоративный имидж возникает и функционирует в интересубъектном взаимодействии благодаря механизму персонификации. Одним из внешних выражений этого внутреннего сходства двух типов имиджа является феномен брэнда, который появился лишь начиная со второй половины XX в. Под брэндом сегодня понимают не только образ товарной марки, но также образ фирмы, обладающей правами на эту товарную марку. С точки зрения излагаемой здесь концепции имиджа как феномена интересубъектного взаимодействия, брэнд – это образ марки товара или услуги, создаваемый ее владельцем в сознании покупателя с целью выделить ее в ряду конкурирующих [8], или, что, по сути дела, то же самое, имидж марки [8].

Персонификация широко используется в рекламе в качестве средства создания объектного имиджа, именно с ней связано введение в рекламные сюжеты рекламного персонажа. Наличие персонажей в рекламе товара, услуги выступает в качестве одного из основных и наиболее распространенных средств привлечь внимание к рекламе [3, 4, 5]. По сути дела, использование в рекламе персонификации позволяет создать по отношению к представленному в ней предмету особую социальную установку, или аттитюд. Когнитивный компонент этой установки заключается в приписывании предмету-прообразу имиджа тех или иных свойств, наблюдаемых обычно у субъектов. Объект может характеризоваться как обладающий характером, личностными особенностями, способностью принимать решения и совершать действия. Аффективный компонент этой установки включает в себя направленные на объект персонификации эмоционально окрашенные отношения (симпатию и антипатию, дружбу, любовь, конфронтацию, страх, жалость, сострадание, презрение, и т.д.). Конативный компонент персонифицирующей установки выражается в готовности к сотрудничеству, соперничеству, заботе, противоборству, избеганию и т.д.

Но заметим, что в качестве рекламного персонажа рекламисты чаще всего стремятся использовать образ, с которым потребитель может идентифицировать себя. Тем самым они интуитивно

воспроизводят схему создания удачного внутреннего корпоративного имиджа, как бы стремясь «партиципировать» своего потребителя.

В целом же в основе разных типов имиджа (индивидуального, коллективного, корпоративного, предметного и др.) лежат единые объективные закономерности, посредством которых проявляется сущность имиджа как символического образа субъекта, создаваемого в процессе интерсубъектного взаимодействия. Уже определив имидж как образ, «создаваемый» (а не «возникающий») в интерсубъектном взаимодействии, мы тем самым подчеркнули иницирующую роль субъекта, который, исходя из объективных целей и задач презентации себя или того предмета, имидж которого создается, формирует этот образ, облекая его в символическую форму с учетом всей системы отношений, порожденных, во-первых, культурно-историческим опытом, во-вторых, системой конкретных взаимоотношений в масштабах его непосредственного социального окружения, в-третьих, профессионально-деятельностным контекстом ситуации общения, предопределяющей необходимость увязывания имиджеобразующей деятельности с целями и задачами профессиональной деятельности субъекта.

С учетом этих детерминаций субъект иницирует функционирование имиджа в системе социальных взаимодействий, порождая тем самым имиджевое взаимодействие как систему развивающихся на их основе особых взаимодействий, специфика которых определяется сущностными характеристиками имиджа. Затем, опираясь на собственное восприятие того, как воспринимают его образ другие, субъект в процессе имиджевого взаимодействия осуществляет непрерывную и многократную коррекцию своего имиджа в ходе его функционирования, тем самым приближая его к оптимальному состоянию, с точки зрения объективных критериев, которое при условии высокой имиджевой компетентности субъекта является в то же время и субъективно удовлетворяющим его.

Очертание перспективы исследований

Перспективы дальнейшей разработки социально-психологической концепции имиджа как феномена интерсубъектного взаимодействия связаны прежде всего с конкретизацией выработанных в рамках построенной концепции положений на пути расширения эмпирической базы исследований имиджа посредством включения в нее новых, еще не исследованных сфер социальных взаимодействий, в рамках которых осуществляется восприятие и изменение имиджа. Например, если ни у кого не вызывает сомнений актуальность разработки принципов и технологий создания положительных социально востребованных имиджей (например,

имиджа государственного служащего, имиджа защитника Родины и др.), то не меньшую актуальность, на наш взгляд, представляет создание и закрепление отрицательных имиджей социальных групп, играющих деструктивную роль в общественном организме (например, имидж террориста). Решение этих задач предполагает проведение фундаментальных исследований, направленных на выявление механизмов оценки субъекта-прообраза на основе восприятия имиджа и, в частности, механизмов, ответственных за формирование негативных оценок.

Однако важнейшее (и пока наименее разработанное) направление дальнейших исследований имиджа обусловлено заложенными в нем возможностями влияния на личностные характеристики субъекта-прообраза. Как уже говорилось, будучи одним из мощных средств психологического воздействия, имидж одновременно с этим способен выполнять и функции самовыражения, самопознания, саморазвития, самосовершенствования по отношению к отображаемому в нем субъекту. Определение имиджа как образа субъекта, создаваемого в интерсубъектном взаимодействии, уже предполагало признание за имиджем как феноменом интерсубъектного взаимодействия, вектора развития, направленного к достижению оптимального состояния. Данные проведенных социально-психологических исследований показывают, что восприятие самого себя и других у респондентов, не прошедших специального обучения, отличается наивным характером и низкой продуктивностью (об этом, в частности, свидетельствуют данные проведенного в г.Екатеринбурге в 2002 г. исследования социально-психологических характеристик образа лидера [7]), с другой стороны, у респондентов, прошедших серию специальных тренингов, направленных на повышение имиджевой компетентности, повысился уровень интегральной самооценки личности. Характер влияния имиджеобразующей деятельности на самовосприятие субъекта имиджа, наличие и направленность личностных изменений, происходящих под влиянием этой деятельности, пока еще изучены весьма слабо и требуют дальнейших глубоких исследований.

С этим направлением исследований имиджа тесно связано и такое направление, как исследование имиджевой компетентности. Опираясь на разработанную Л.А.Петровской концепцию коммуникативной компетентности [9], была сформулирована концепция имиджевой компетентности, согласно которой последняя представляет собой «развитую психологическую способность и готовность создавать социально и личностно адекватный образ себя, ориентированный на восприятие его другими участниками социальных взаимодействий» [7]. В основе этой сложной

способности, помимо указанных выше источников восприятия себя и источников восприятия другого, на наш взгляд, лежат такие источники, как:

- 1) восприятие образа себя, возникающего у других, через соотнесение (идентификацию, различение) своего восприятия других с восприятием их же другими, отличными от них людьми;
- 2) восприятие образа себя, возникающего у других, через то, как другие воспринимают отличных от них других;
- 3) восприятие образа себя, возникающего у других, через восприятие результатов воздействия этого образа на их поведение;
- 4) непосредственное восприятие образа себя, возникающего у других, возможное благодаря его символическому опосредованию в имидже;
- 5) восприятия образа себя, возникающего у других, через экспликацию ими своих внутренних состояний, возникающих под воздействием данного образа.

Целенаправленное развитие имиджевой компетентности предполагает разработку и всестороннюю практическую апробацию специальных учебных программ, включающих теоретические и практические занятия по созданию и изменению имиджа. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны [28], но они требуют как дальнейшего концептуального развития, так и расширения экспериментально-методической базы.

Показательно, что проблематика имиджа становится междисциплинарным феноменом и в настоящее время является неотъемлемым компонентом теории рекламной деятельности, теории управления, PR, маркетинга и др. Содержательные подходы и практические решения в этих сферах стремительно завоевывают страницы учебной, научной и популярной литературы. Современная политическая теория и практика неразрывно связаны с формированием и восприятием соответствующих имиджей.

В проводимых в настоящее время исследованиях более 86% руководящих работников муниципальных образований Уральского региона указывают на важность имиджа для их эффективности работы.

Осмысление психологической сущности имиджа, этих и других траекторий функционирования и развития имиджа как явления и как теоретической проблемы в контексте его понимания как феномена интересубъектного взаимодействия представляется одним из актуальных и перспективных направлений развития современной психологической мысли.

Литература

1. Акмеология: Учебник / Под общ. ред. А.А.Деркача. – М.: Изд-во РАГС, 2002.
2. Деркач А.А., Перелыгина Е.Б. Социально-психологическая концепция имиджа как феномена intersubjectного взаимодействия (в соавторстве) / Под научной редакцией заслуженного деятеля науки РФ доктора психологических наук, профессора А.А.Деркача. - М.: Изд-во «Интеллект-Центр», 2003.
3. Зазыкин В.Г. Психология в рекламе. – М.: Изд-во «ДатаСтром», 1992.
4. Краско Т.И. Психология рекламы: / Под ред. Е.В.Ромата. – Харьков: Студцентр, 2002.
5. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. – СПб.: Питер, 2002.
6. Перелыгина Е.Б. Корпоративный имидж в контексте социально-психологической науки. – Вестник Гуманитарного университета: Серия «Психология». №12. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002.
7. Перелыгина Е.Б. Оптимизация процесса формирования имиджа как феномена intersubjectного взаимодействия. - М.: «Интеллект-Центр», 2003.
8. Перелыгина Е.Б. Психологические основы функционирования брэнда в политической рекламе // Психология политической рекламы, агитации и пропаганды. Учебное пособие под общей редакцией Зазыкина В.Г., Лаптева Л.Г., Перелыгиной Е.Б. - М.: РИЦ «Москва – Санкт-Петербург», 2003.
9. Перелыгина Е.Б. Психология имиджа: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2002.

Экономическая психология

Мусаэлян И.Э., Сливницкий Ю.О.

Эволюционная природа деловой активности человека

Анализ деловой активности человека с каждым днем привлекает все большее внимание психологов, экономистов, социологов и представителей других наук. Считая необходимым целостный ее анализ, авторы статьи рассматривают эволюционные основы деловой активности, привлекая для этого труды немецкого социолога М Вебера и австрийского экономиста Ф.Фон Хайека, его представления о рыночном порядке, основы которого были заложены еще работами шотландских философов-моралистов А.Смита и А.Фергюссона. Отдавая себе отчет, что данный уровень рассмотрения деловой активности можно назвать уровнем её макроанализа, авторы считают, что он должен и может быть дополнен детальным анализом психологических составляющих деловой активности.

Ключевые слова: деловая активность, хозяйственная деятельность, интенсификация, экстенсификация, рационализация, экономический образ мышления.

Область изучения деловой активности не слишком привлекательна для психологов. Однако, всё большее количество дипломированных психологов выбирают или поставлены перед необходимостью выбирать в качестве предмета своей деятельности поведение человека на рабочем месте, кадровый менеджмент, маркетинг, проблемы развития организаций или психологическую поддержку работы их руководителей. Это происходит потому, что деловое, организационное поведение занимает всё больше места в целостной структуре человеческого поведения и, похоже, на данном этапе развития культуры представляет максимальные возможности для воплощения творческого потенциала личности, человеческого «Я».

Между тем, несмотря на огромное количество интереснейших феноменологических описаний и подробных схем анализа делового и организационного поведения, до сих пор не существует целостных психологических концепций деловой активности человека. Не претендуя на то, чтобы заполнить этот теоретический вакуум, попытаемся хотя бы наметить пути целостного анализа такого сложного вида поведения каким является деловая активность человека.

Для начала воспользуемся определением экономиста А.Хоскинга, которое он даёт для репрезентации хозяйственной

деятельности. Под ней он понимает: «...деятельность, осуществляемую частными лицами, предприятиями или организациями по извлечению природных благ, производству или приобретению и продаже товаров или оказанию услуг в обмен на другие товары, услуги или деньги к взаимной выгоде заинтересованных лиц или организаций» (20, ,с.18). Как следует из этого определения, хозяйственная деятельность – сложноорганизованный вид индивидуального и группового поведения, имеющий длительную историю развития и оказавший огромное влияние на культуру и общество.

Как и другие основополагающие виды человеческого поведения, такие как военное (боевое) поведение и репродуктивное поведение, хозяйственная деятельность была направлена на решение базисной задачи выживания человека. Поэтому при анализе подобных сложных форм поведения естественно вспомнить идеи, сформулированные У.Джеймсом, основоположником эволюционной психологии. Согласно Джеймсу поведение можно рассматривать как средство адаптации человека к изменяющейся среде. В связи с этим и появляющиеся в человеческом сообществе сложные формы поведения, и обеспечивающие их осуществление так называемые высшие психические функции, например, самосознание, имеют ту же природу, что и различные морфологические и физиологические характеристики организмов: они выполняют адаптивную функцию. Джеймс писал: «Помните ... тот факт, что человек, ... прежде всего практическое существо и что дух его дан ему в качестве средства для приспособления в этом мире» [4,с.30]. Фундаментальное положение эволюционной психологии состоит в том, что «у людей, как у любых других животных, существуют сформировавшиеся в ходе эволюции поведенческие предрасположенности» [4,с.33;12]. Они существуют и действуют потому, что вызываемое ими поведение в целом повышает выживаемость обладателей этих черт.

Опираясь на эту позицию, попытаемся самым кратким образом наметить эволюционные основы построения современной формы деловой активности. Групповая природа человека обусловила тот факт, что его выживаемость оказалась теснейшим образом связана с борьбой за положение в группе, за место в иерархии. В ходе этой борьбы сформировались полезные приспособления, благодаря которым человек смог побеждать в острой конкурентной борьбе. Это: усиление темпа деятельности, расширение её границ и повышение качества осуществления деятельности. Данные эволюционные приобретения можно было бы назвать прародителями современных форм деловой активности. В свою очередь, они дали старт целому комплексу социально-экономических процессов, на основе которых

сформировался мощный институт современной деловой активности. Эти процессы – интенсификация, экстенсификация и рационализация. Рассматривая сущность этих фундаментальных социально-экономических процессов естественно обратиться к трудам двух крупнейших социальных мыслителей: немецкому социологу и общественному деятелю М.Веберу и австрийскому экономисту, лауреату Нобелевской премии, Ф.фон Хайеку. Несмотря на общественное признание и достаточно высокий авторитет в научном сообществе, можно с уверенностью утверждать, что идеи, сформулированные этими выдающимися учёными, осмыслены сегодня далеко не в полном объёме. Нам представляется, что психологам, считающим необходимым рассматривать индивидуальное поведение человека в контексте социально-экономических процессов, ещё предстоит осваивать их богатейшее творческое наследие.

Концепция интенсификации социальной жизни была сформулирована М.Вебером, как попытка рефлексии над сложными социально-экономическими процессами, развернувшимися особенно остро в Европе в период промышленной революции и определившей европейскую жизнь в XIX и начале XX вв.. Концентрируя в одном месте значительные капиталы, человеческие и материальные ресурсы, организуя широкую координационную сеть внешних и внутренних участников производственного процесса, промышленные предприниматели впервые вплотную столкнулись с необходимостью изменения системы «традиционного хозяйства». «В основе подобного хозяйства лежало стремление сохранить традиционный образ жизни, традиционную прибыль, традиционный рабочий день, традиционное ведение дел, традиционные отношения с рабочими и традиционный, по существу, круг клиентов, а также традиционные методы в привлечении покупателей и в сбыте ...» [2,с.87]. Если ведущий мотив ведения традиционного хозяйства – деловая активность ради удовлетворения базисных потребностей семьи, то ведущий мотив ведения индустриального хозяйства – всемерное приумножение прибыли и, следовательно, всемерное развитие дела, наращивание «оборотов» или интенсификация. Таким образом, повышение эффективности индустриальной хозяйственной деятельности обусловила необходимость её интенсификации, что, прежде всего, выразилось в смене привычного образа жизни и необходимости ускорения поведенческих процессов. Основной вектор общественной и деловой жизни отныне начинает определяться нормативами нового «промышленного времени». Процесс интенсификации положил начало современному интенсивному образу жизни.

Рационализацию можно назвать краеугольным камнем эффективного хозяйствования. Её ярким выражением ещё в эпоху неолита явилось разделение труда, ориентированное, согласно концепции А.Риха, на изготавливаемый продукт или на процесс его изготовления [13]. В наиболее развитой форме этот процесс также проявился в период промышленной революции, когда в ходе грандиозной социальной реорганизации сформировалась фундаментальная ориентация на процесс соотнесения достигаемого результата к затратности его получения (процесс «калькуляции» по Веберу). Появление подобной ориентации привело к тому, что характеристики трудовой деятельности, способствующие повышению качества продукции, такие как точность, аккуратность, предусмотрительность и обучаемость фактически выступили в качестве этических принципов творцов индустриальной цивилизации, разумных буржуа, профессионалов, бизнесменов и предпринимателей. Рисуя образ промышленного предпринимателя, Вебер подчёркивает, что это были не отважные и беспринципные спекулянты и авантюристы, а люди, прошедшие суровую жизненную школу, осмотрительные и решительные, сдержанные, умеренные и упорные по своей природе, полностью преданные своему делу, со строго буржуазными воззрениями и принципами [2,с.89]. Этот нравственный императив рационального поведения, сущность которого состоит в необходимости подчинения своей жизни планомерному стремлению и возможности контролировать собственное поведение, лёг в основу экономического образа мышления, определившего поведение современного человека развитого общества.

Концепция экстенсификации как одного из мощных социально-экономических процессов была сформулирована Ф.Фон Хайеком в русле представления о рыночном порядке, основы которого были заложены ещё трудами шотландских философов-моралистов А.Смита и А.Фергюссона. Согласно Хайеку рынок понимается как спонтанно, эволюционно складывающийся «расширенный порядок человеческого взаимодействия», не основывающийся на исходной общности целей и средств, приводящий к созданию многообразия товаров и услуг и удовлетворяющий разнообразные потребности множества людей. Формированию «расширенного порядка» способствовала торговля, которая сделала возможной преодоление ограниченности природных ресурсов на различных территориях и тем самым способствовала процессу глобального расселения людей [21,22].

По мысли Хайека, механизм формирования торговой цепочки между двумя замкнутыми сообществами основывается на установлении между ними совершенно особых отношений, а именно, обмена, когда продукты, находящиеся в распоряжении одного

сообщества, предлагаются другому сообществу в обмен на продукты, в которых нуждается первое сообщество. Важно подчеркнуть, что в отличие от силовых отношений, отношения обмена строятся на основе принципа взаимной удовлетворённости. Иными словами, установление систематических обменных отношений предполагает учёт взаимных интересов участников сделки. Это означает, что в основе установления торговой цепочки лежит личная коммуникация торговых посредников – лиц, имеющих полномочия на установление материального обмена ресурсами сообщества. По мере упрочения торговой цепочки торговыми посредниками и инициаторами создания новых торговых цепочек могут становиться не только первые лица, но и другие участники торгового процесса. Так осуществляется социально-экономический процесс расширения границ обитания человеческих групп и формируется «расширенный порядок человеческого взаимодействия». Процесс экстенсификации привёл к необходимости формирования таких принципов построения современного общества как **«открытость»** и **«демократизм»**.

Эти фундаментальные социально-экономические парадигмы выступили в качестве социального контекста существования индивида и породили необходимость формирования индивидом целого ряда определённых поведенческих стереотипов, психологических свойств и внутренних средств интерпретации и оценки социальной действительности. Эти внутренние системы средств можно рассматривать в качестве психологических «инструментов», освоение и использование которых позволяет индивиду принимать участие в «социальном конкурсе» и дают основание для формирования индивидуального стиля деловой активности и выбора определённой формы делового поведения.

Интенсивный образ жизни заставил рассматривать скорость исполнения деятельности в качестве одного из ценнейших её показателей. Человечество, если использовать известное выражение, «решило стать быстрым, вместо того, чтобы становиться умным». Высокий темп осуществления деловой активности превратился в решающий фактор победы в рыночной конкуренции. Работник, характеризующийся высокой степенью поддержания напряжённого темпа работы – мечта специалистов, осуществляющих подбор персонала. «Уплотнение времени – важный навык, которым владеют те, кто успешно управляет своим временем. Эти люди быстро принимают решения. Они не медлят. Они редко опаздывают. Они делают именно то, что запланировали сделать, и именно тогда, когда запланировали, нисколько не сомневаясь, безо всяких колебаний. Поскольку они заканчивают свои дела в запланированные сроки, они идут по жизни полные энергии, оптимизма и удовлетворённые собой»

[8, с.227]. Интенсивный стиль жизни заставляет человека работать с максимальным напряжением и темпом, зачастую значительно превышающим реальные требования решаемой задачи. Парадигма интенсивного образа жизни породила как положительные, так и отрицательные следствия. Прежде всего, ускорение способствовало созданию целого управленческого направления под девизом «Стартовать без опозданий». Одним из продуктивных результатов этого направления стало создание новой управленческой дисциплины – тайм менеджмента. Центральная проблема управления временем – искусство дифференциации рабочих заданий на главные и второстепенные. Навыки умелого структурирования рабочего дня приводят к формированию у работников таких важных деловых качеств как уверенность и решительность. Индивид приобретает умение говорить «нет», научается не вязнуть в мелочах.

Обратной стороной модели интенсивного образа жизни явилось то, что медлительность приобретает почти роковой смысл, она рассматривается в качестве основной причины деловых неудач, становится кратчайшим путём на обочину рыночного процесса. Переживания, связанные с невозможностью следовать быстрому темпу деятельности, являются одним из основных причин нервных срывов, депрессий и заниженных самооценок. При этом, тенденция к ускорению рабочего процесса не всегда способствует повышению эффективности деловых процессов и часто вступает в непосредственный конфликт с требованиями качества. Этот конфликт особенно наглядно проявляется на материале изучения творческой деятельности, в частности, деятельности архитекторов и проектировщиков [16].

Экономический образ мышления, являющийся основой делового поведения индивида, базируется на применении к анализу действительности механизма рациональной оценки или «принципа полезности». Использование этого механизма позволяет включить процесс аналитического, взвешенного или, иными словами, рационального мышления. Разработанная на этой основе схема достижения цели стала широко применяться для повышения эффективности процесса решения деловой задачи. Эта схема включает в себя осуществление ряда обязательных процедур, таких как выбор и формулировка цели, оценка наличных ресурсов, определение способа действий и выбор критериев достижения цели. В русле парадигмы рационального поведения выявились психологические свойства, которые считаются ценнейшим приобретением современного делового человека. Это: способность к концентрации внимания, дисциплинированность, в том числе и способность к самоорганизации, умение доводить дело до конца.

Рациональное поведение, основанное на оптимальном использовании хозяйственных средств, породили институт профессионализма. Как подчёркивает А.Рих, такая форма рационализации хозяйства как разделение труда, ориентированное на изготавливаемый продукт, сформировала целый спектр так называемых первичных профессий. Затем происходит фаза расслоения профессий, на основе чего создаются многочисленные новые профессии, представляющие собой формы специализации внутри первичных профессий [13].

Наряду с несомненной значимостью и, более того, решающей ролью рационализации для построения результативного делового поведения необходимо обратить внимание и на его издержки.

Прежде всего это то, что де Ври с усмешкой называет левополушарным уклоном. Абсолютизация рационального подхода приводит к тому, что эмоциональные процессы, играющие важнейшую роль в человеческой жизни, оказываются вытеснены на обочину делового поведения, а их потенциал незаслуженно занижен [3].

Другая проблема состоит в том, что акцентирование рациональных процедур приводит к опасности «заблудиться» в деталях. Это то, к чему применимо выражение: «За деревьями не видит леса». Тенденция к чрезмерной детализации процесса решения задачи приводит к нарушению соотношения главного и второстепенного.

Освоение процедур рационального анализа чрезвычайно трудоёмкая задача, решению которой посвящено целое направление психологического исследования [19]. Однако и в случае успешного освоения нас подстерегает соблазн стремиться к использованию отлаженных алгоритмов мышления без учёта особенностей новой ситуации. Такая тенденция действовать в соответствии с признанными шаблонами приводит к недопустимым ошибкам в деловой практике и находится в полном несоответствии с принципиальной неопределённостью рыночного порядка.

И, наконец, норматив рационального поведения, особенно поддерживаемый в крупных корпорациях, породил острый конфликт с носителями так-называемого творческого поведения. Как всегда случается при проведении любой целевой компании в этой борьбе под лозунгом «Долой расхлябанность и разгильдяйство!» вместе с водой выплёскивают и ребёнка. В этой связи Б.Трейси, предлагает отличать псевдо-творческих людей от истинных творцов: псевдо-творческие люди не способны к продолжительной концентрации внимания – они быстро остывают и, как следствие, не могут доводить дело до конца.

Творцы же, формулируя замечательные идеи, проявляют на деле высокую дисциплинированность [15].

Парадигма **«расширенного порядка»** или стремление к расширению границ деятельности носит наиболее противоречивый характер. В истории конкурентной борьбы её воплощение связано с прямым военным захватом и составляет самую сущность военного (боевого) поведения. В сфере же хозяйственного поведения первоначально она определяла сложный процесс установления торговых коммуникаций между замкнутыми (ограниченными) сообществами. Сегодня эта парадигма лежит в основе одного из самых современных направлений менеджмента – стратегического менеджмента. Д. Маурик приводит следующее определение: «стратегия – это долгосрочный план достижения успеха, особенно в политике, бизнесе и войне» [7, с.11].

Стратегический подход, продуктом которого является интегрированное видение будущего организации, связано с целым рядом психологических свойств и особенностей личности. Самым общим образом их можно было бы определить как способность действовать в условиях неопределённости. К их числу можно отнести склонность к риску, стремление к изменениям, оптимизм и отсутствие конформизма. Кроме того, для плодотворной работы сотрудников в организации в условиях неопределённости необходимо развитие способности быстрой ориентации в стремительно растущем потоке информации и умении её использовать при выполнении рабочего задания. Специалисты в сфере стратегических процессов, работающие с организациями, приходят к выводу, что качественные навыки стратегического поведения становятся всё более необходимыми для всех сотрудников компании, независимо от их управленческого статуса.

Таким образом, рассмотренные выше социально-культурные парадигмы представляют собой контекст, в рамках которого осуществляется деловое поведение отдельного человека. Данный уровень рассмотрения деловой активности можно назвать уровнем её макроанализа, который с необходимостью должен быть дополнен детальным анализом психологических составляющих деловой активности. В этой связи можно было бы привести результаты целого ряда работ, в том числе и выполненных нами с использованием клинического метода анализа личности, опросных и измерительных методик [9,10,11]. Однако, учитывая важность дифференцированного психологического анализа, в данной работе нам бы хотелось вернуться к задаче целостного подхода к деловой активности, которую мы сформулировали в начале.

Направления, по которым, в контексте перечисленных выше социально-культурных парадигм, формируется индивидуальная деловая активность (ускорение ритма деятельности, осуществление рационально-оценочных процедур и стратегическая направленность поведения) характеризуются общей тенденцией, которую условно можно назвать тенденцией к усилению всех показателей деятельности. Готовность индивида принять участие в «деловом состязании» заставляет его непрерывно изменяться, искать и находить то, чем он не был «оснащён» в начале своего пути. Высокий уровень конкуренции превращает деловую активность индивида в процесс непрерывного исследования, поиска наибольших возможностей и наилучшей альтернативы. Таким образом, в основе деловой активности лежит принятие индивидом внутренней психологической модели, которую можно было бы назвать **«активность +»** или **«активность форте»**. Свидетельством её принятия является позиция: «Я могу»: работать в течение 24 часов, работать с максимальным напряжением, достигать намеченного результата, делать несколько дел одновременно и т.п. [10].

Эта ориентация на достижение запредельных показателей деятельности, составляющая основу делового поведения современного человека, представляет собой серьёзную личностную задачу и нередко вызывает желание противопоставить ей какую-либо иную поведенческую схему. Переживание несбывшихся надежд, ощущение ненужности, богатый список внутренних обид – вот эмоции, типичные для людей, которые по тем или иным причинам «не успевают» бежать в ритме современной деловой жизни. Чтобы преодолеть чувство поражения люди зачастую формируют некий защитный механизм, который начинает выступать в качестве значимой личностной позиции. Лейтмотивом данной позиции может быть утверждение типа: «Мне трудно, потому что ...». Её носители считают, что кто-то другой должен взять на себя обязательства по их жизнеобеспечению в том числе, социальные институты, родственники, друзья. При этом энергетический ресурс, направляемый на построение подобной модели, ничуть не меньше того, который затрачивается на поддержание активной жизненной позиции. Об этом хорошо знают практикующие психотерапевты. Не следует думать, что внутренняя модель «Мне трудно ...» не отвечает фундаментальной задаче адаптации человека. Здесь уместно вспомнить понятие «вторичная выгода от болезни», указывающее на способность человека изобретательно извлекать пользу из любой ситуации. Проблемы, связанные с подобного рода тенденциями подробно рассмотрены в исследовании Н.С.Курека «Дефицит психической активности: пассивность личности и болезнь» [5,6]. Таким образом, тенденция к минимизации показателей деятельности также носит рациональный характер.

Следует отметить, что верные сподвижники модели «активность +» также не защищены от переживаний, связанных с приступами

неуверенности в себе, чувством неполноценности и одиночеством. Усилия работников среднего звена организаций часто не вознаграждаются стабильной предсказуемой зарплатой, регулярными продвижениями по службе и пожизненной трудовой и финансовой защищённостью. Они проявляют желание замедлить темп деятельности, жалуются на усталость, эмоциональную опустошённость и ощущение недооцененности их работы. Руководители высшего звена, топ-менеджеры чувствуют, что обречены на изоляцию от людей, им не с кем поделиться тревогами и заботами, связанными с работой. Они плохо справляются с так называемым «одиночеством власти» [3]. В связи с этим, можно сказать, что стрессы и напряжения, связанные с чрезмерными требованиями, характерными для бизнес-процессов, представляют проблему для всех их участников.

Таким образом, с точки зрения задачи адаптации, модель «активность +» вряд ли можно рассматривать в качестве идеальной психологической основы поведения человека в современном многовариантном мире. В связи с этим, важнейшей задачей психологов, социальных работников и оргконсультантов является проблема снижения накала драматичности конфликтов, имманентно присущих основным формам современной деловой активности. К числу значимых конфликтов можно отнести противоречие между тем объёмом власти, которым наделены руководители высшего звена и весьма ограниченными возможностями сотрудников в принятии существенных решений; противоречие между необходимостью быстрого реагирования на изменения в рыночной ситуации и сопротивлением к переменам, присущим в различной степени работникам всех уровней управления организации; противоречие между тем объёмом времени, которое необходимо посвящать работе для достижения успеха в деловой сфере и временем, уделяемым другим важным аспектам жизни (семья, творчество, светское общение и т.п.). Решению этих проблем сегодня уделяется очень большое внимание [1].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что несмотря на настоятельную необходимость поиска путей гуманизации деловой жизни, в лице активных представителей делового сообщества мы встречаем людей «энергичных, незаурядных, имеющих постоянный стимул к совершенствованию» [17]. Они выбрали трудный путь созидания, а не подчинения и взяли на себя руководство новыми организациями. Сегодня от принимаемых ими решений зависит судьба многих людей. Помогая в работе лидерам, занимающим продуктивную новаторскую позицию в обществе, психолог обретает возможность воплотить свою заветную профессиональную мечту:

оказывать действенное, конструктивное влияние на социальную жизнь.

Литература

1. Бойетт Д.Г., Бойетт Д.Т. Путеводитель по царству мудрости. М., ЗАО «Олимп-бизнес», 2002, 395с.
3. де Ври М.К. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта. М., Альпина Паблишер, 2003, 310 с.
4. Джеймс У. Беседы с учителями о психологии. М., Издательство «Совершенство», 1998, 149 с.
5. Курек Н.С. Дефицит психической активности: пассивность личности и болезнь. М., РАН, 1996, 245 с.
6. Курек Н.С. Нарушения психической активности и злоупотребление психоактивными веществами в подростковом возрасте. Издательство «Алетейя», СПб, 2001, 220 с.
7. Маурик Д. Эффективный стратег. М., Инфра-М, 2002, 208 с.
8. Моргенстерн Д. Тайм менеджмент. М., Хорошая книга, 2001, 254 с.
9. Мусаэлян И.Э., Сливницкий Ю.О. Психология предпринимательства – новая область отечественной психологической науки. Вестник Моск. ун-та. Сер.14 Психология. 1995, №1. с.3-8.
10. Мусаэлян И.Э., Сливницкий Ю.О. О возможности применения модели актуального конфликта для психологического анализа предпринимательской деятельности. Вестник Моск. ун-та. Сер.14 Психология. 2000, №3, с.22-31.
11. Мусаэлян И.Э., Карповский М.А., Сливницкий Ю.О. Социально-психологические особенности управления малыми организациями. Сб. «Психология и бизнес», тезисы к 6 Всероссийской конференции, 2003, 11 – 12 апреля, СПб, Иматон.
12. Палмер Д., Палмер Л. Эволюционная психология. СПб, «Прайм-Еврознак», М., «ОЛМА-ПРЕСС», 2003, 382 с.
13. Рих А. Хозяйственная этика. Посев, 1996, 810 с.
14. Рубинштейн М., Фирстенберг А. Интеллектуальная организация. М., ИНФРА-М, 2003, 190 с.
15. Силбер Л. Карьера для творческого человека. М., Хорошая книга. 2002, 374 с.
16. Сливницкий Ю.О. Архитектурная профессия глазами психолога. Доклад на Круглом столе: «Архитектура и психология», Москва, ЦДА, 1.02.02 г.
17. Тобиас Л. Психологическое консультирование и менеджмент: взгляд клинициста. М., Независимая фирма «Класс», 2000, 150 с.
18. Хант Р., Базан Т. Как создать интеллектуальную организацию. М., ИНФРА-М, 2002, 229 с.
19. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб, Питер, 2000, 503 с.
20. Хоскинг А. Курс предпринимательства. М., «Международные отношения», 1993, 350 с.
21. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Издательство «Новости», 1992, 303 с.
22. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Издательство «Изограф», Издательство «Начала-фонд», М., 2000, 254 с.

Карпов А.В.

Рефлексия в структуре когнитивной организации процессов принятия решения*

Рефлексия и принятие решений – сложные и уникальные психические процессы, что закономерно предполагает их взаимосвязь, существование системы отношений и взаимодействий между ними. Однако именно эти взаимосвязи недостаточно изучены и раскрыты, что во многом и обуславливает обращение автора к их исследованию. В статье внимание уделяется трем основным уровням исследования: результативному уровню, процессуальному и уровню возможных механизмов и субъектных детерминант рефлексивной регуляции процессов принятия решений. Результаты, полученные в ходе исследования взаимосвязи двух процессов, свидетельствуют о наличии определенной метазакономерности, связывающей рефлексию с различными аспектами организации процессов принятия решений.

Ключевые слова: рефлексия, принятие решений, функциональная зависимость, принципы процессуальной организации принятия решений, механизмы психической интеграции, метазакономерности.

Любой процесс, онтологически представленный в содержании психики и гносеологически дифференцируемый ей же самой в этом содержании при его познании, глубоко своеобразен и даже уникален. Однако даже на фоне этой уникальности каждого психического процесса особым и можно сказать – эксклюзивным своеобразием характеризуются два процесса – рефлексии и принятия решения. Первый – в силу того, что он уникален в строгом и непосредственном смысле данного понятия, так как присущ только человеку, выделяя его из ряда всех иных живых существ. Второй – в силу его беспрецедентной сложности и гетерогенности, синтетичности и органичного «сплава» в нем всех основных категорий иных психических процессов (когнитивных, эмоциональных, мотивационных, волевых), а тем самым – его принадлежности к особому классу психических процессов – к интегральным процессам. Однако уникальность и предельное своеобразие каждого из этих двух процессов отнюдь не означает их автономности друг от друга; как раз наоборот – высочайшая степень сложности того и другого объективно предполагает их взаимосвязь, существование системы закономерных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ; № проекта 03-06-00284а.

отношений и взаимодействий между ними. Причем, есть все основания предполагать, что эти связи и отношения не менее своеобразны, нежели указанные процессы, взятые «сами по себе».

Действительно, анализ показывает, что связи и отношения рефлексии с процессом принятия решения (ПР) являются, пожалуй, наиболее специфическими и глубокими, нежели со всеми иными психологическими процессами. Рефлексия и принятие решения – это два процесса, во многом противоположные и даже - антагонистические по своей функциональной направленности [1,2,5,11,15]. Они, однако, во многом близки и сходны по своей психологической природе, а потому – взаимодополняют и взаимопологают друг друга. Так, рефлексия (и как процесс, и как состояние, и как свойство) особенно необходима во всех тех ситуациях, организация поведения в которых сопряжена с выбором, с неопределенностью, с необходимостью ее преодоления. «Рефлексивная пауза» нигде так не важна, а рефлексивные процессы и механизмы нигде не являются столь значимыми, как в этих «точках разрыва поведенческого континуума». Тем самым процессы ПР объективно предполагают актуализацию рефлексивных процессов и в значительной мере состоят в них. Фаза так называемой «информационной подготовки» решений в традиционных схемах описания этого процесса во многом тождественна «внутреннему сканированию» - поиску, то есть, по существу, процессу рефлексии. Диалектика их отношений, однако, такова, что они имеют и черты принципиальных различий и даже – противоположности. Принятие решения – это (по определению) процесс, предполагающий непосредственный «выход» на организацию и реализацию поведения, деятельности. И в этом смысле он представляет собой, действительно- и деятельностно-ориентированный процесс. Рефлексия же, наоборот, по самой своей сути предполагает и даже требует «приостановки», паузы в поведенческом и деятельностном континууме. Она – активна, но не действенна. Понятно, что такого рода противоположность обусловлена функциональной специализацией указанных процессов, которые – именно в силу этой специализации – органично взаимодополняют друг друга.

Вместе с тем, к сожалению, приходится констатировать, что до настоящего времени взаимосвязь процессов рефлексии и принятия решения раскрыта и изучена совершенно недостаточно. Тому есть масса причин самого разного характера и «масштаба» - от чисто «технических» до «идеологических», парадигмальных. К последним можно отнести, например, следующее обстоятельство. Проблема рефлексии – в ее современной постановке – восходит к интроспективной традиции психологического исследования.

Проблема же ПР имеет четко выраженные «поведенческие», бихевиористские «корни», а также генетическое родство с «информационным подходом» в психологии. Очевидно, что указанные парадигмы не только слабо совместимы, но и в значительной степени противоположны. Однако, рано или поздно логика психологического исследования все же приводит к необходимости обращения к изучению взаимосвязей процессов рефлексии и ПР, требует проведения конкретных исследований по данной проблеме.

Руководствуясь указанными обстоятельствами, ниже мы обобщим некоторые основные результаты изучения взаимосвязи процессов и механизмов рефлексивной регуляции с процессами ПР. Естественным, что полученные результаты не исчерпывают собой всей поставленной проблемы, хотя и вскрывают некоторые – существенные, на наш взгляд, закономерности этой взаимосвязи. При их рассмотрении мы сосредоточим внимание на трех основных вопросах: вначале будут рассмотрены материалы, полученные на *результативном* уровне исследования; затем – проанализированы материалы, раскрывающие особенности собственно *процессуального* уровня изучаемой взаимосвязи; после этого основная задача будет перенесена на иной уровень – уровень возможных *механизмов* и субъектных *детерминант* рефлексивной регуляции процессов ПР.

* * *

Основная и наиболее общая проблема, существующая на результативном уровне исследования взаимосвязи процессов рефлексии и ПР, состоит в установлении *функциональной зависимости* и, возможно, детерминационных отношений между ними (если, конечно, таковые существуют). Поэтому экспериментальное исследование должно быть направлено на то, чтобы попытаться установить функциональную связь между двумя переменными – мерой рефлексивности и результативными параметрами процессов ПР. «Независимой» среди этих переменных выступает мера рефлексивности, а «зависимой» - качество реализации процессов ПР. Для диагностики меры рефлексивности применялась разработанная нами совместно с В.В. Пономаревой специальная психометрическая методика, апробированная ранее в ряде исследований [6] и зарекомендовавшая себя с положительной стороны. В качестве экспериментальных моделей для определения индивидуальных различий в качественных параметрах процессов ПР были использованы также разработанные нами методики «Концерн» и «Выбор». Посредством этих методик нами ранее был осуществлен большой цикл экспериментальных исследований процессов ПР [2,4,5,7], в силу чего их следует рассматривать не только как вполне

адекватные целям данного исследования, но и как уже экспериментально апробированные. Подробное описание этих методик, а также других – аналогичных им экспериментальных компьютерных моделей приведено в [4,5,6]. В экспериментах приняло участие 220 испытуемых обоего пола в возрасте от 18 до 47 лет.

В результате проведения экспериментов и обработки данных была получена следующая – основная зависимость между двумя изучаемыми переменными (см. рис. 1.).

Анализ представленных данных позволяет сделать следующие заключения.

Во-первых, между изученными переменными отсутствует прямая, однозначная – линейная зависимость. Эта связь носит существенно более сложный характер, приближаясь – в общем виде – к инвертированной U-образной зависимости. Подобный тип зависимости уже был неоднократно выявлен нами по отношению к связи параметра рефлексивности и ряда иных субъектных и деятельностных характеристик. В частности, аналогичная зависимость обнаружена между индивидуальной мерой рефлексивности и эффективностью управленческой деятельности [3,6]. Для такого рода зависимостей в общем плане характерно наличие двух областей минимальных значений зависимой переменной (в нашем случае – качества ПР). Они соотносятся, соответственно, с минимальным и с максимальным значением «независимой» переменной. Одновременно для них же характерна «точка (точнее – область) максимума «зависимой» переменной, соотносящаяся с некоторыми «промежуточными» - средними величинами независимой переменной. Это вскрывает принадлежность выявленной закономерности к так называемым зависимостям «типа оптимума».

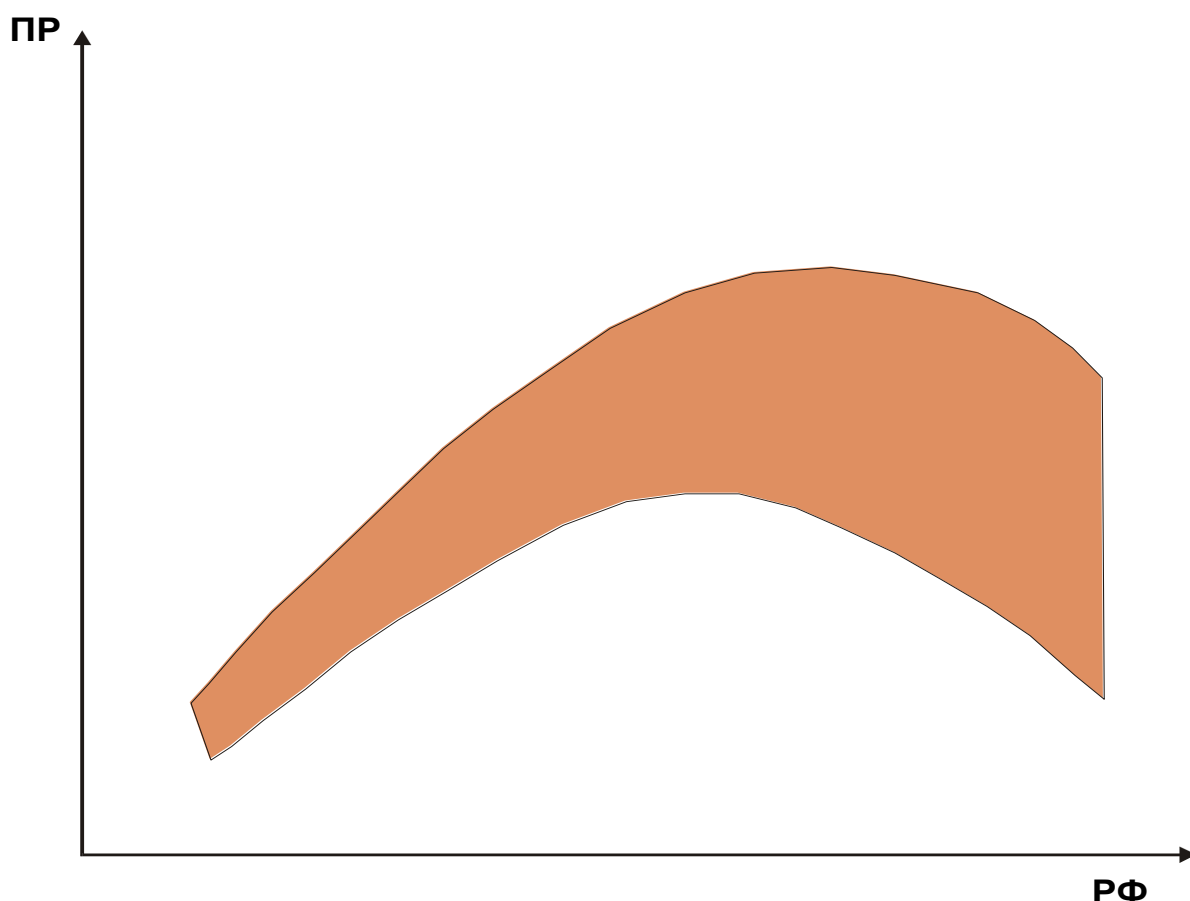

Рис. 1. Зависимость качества реализации процессов ПР от уровня рефлексивности (РФ)

Примечание: на графике представлена “трубка” значений качества ПР при изменении уровня рефлексивности (РФ), т.е. зависимость, учитывающая также и разброс величин качества ПР

Общий смысл полученной зависимости состоит в том, что максимальное качество процессов ПР имеет место не при минимальной рефлексивности (что вполне естественно и понятно), но и не при максимальном ее значении (что уже менее очевидно с априорной точки зрения). Качество ПР максимально на некотором промежуточном, хотя и достаточно высоком значении рефлексивности. Он и является оптимальным в плане обеспечения процессов ПР. Эту же зависимость можно интерпретировать несколько иначе. Первоначальный рост рефлексивности приводит к возрастанию качественных параметров процессов ПР. Затем, однако, прямая зависимость между ними достигает определенного предела. Она вначале перестает действовать в этой своей – прямой форме, а затем трансформируется в обратную зависимость. Эта и другие – полученные ранее аналогичные зависимости показывают, что, по-

видимому, существует некоторая зона, интервал *оптимальных значений* рефлексивности, при котором значения «внешнего критерия» (эффективности деятельности, качества ПР и др.) являются максимальными. «Сдвиги» как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения рефлексивности ведут к снижению значений «внешнего критерия» (в проведенных экспериментах – качества ПР).

Во-вторых, не менее очевиден и еще один экспериментальный результат. Он, как можно видеть из рис. 1, состоит в том, что величина *разброса* (и, соответственно, - дисперсия) значений зависимой переменной (качества ПР) не остается постоянной на всем континууме значений независимой переменной - индивидуальной меры рефлексивности. Разброс значений возрастает пропорционально возрастанию самой независимой переменной. Другими словами, увеличение степени рефлексивности одновременно приводит и к возрастанию степени вариативности ее взаимосвязи с качественными параметрами процесса ПР. Чем выше рефлексивность, тем больше вариативность ее связи с качественными – результативными показателями ПР как таковыми. Складывается ситуация, при которой возрастание рефлексивности как бы нивелирует, «смазывает» зависимость от нее качественных параметров ПР (хотя в общем виде эта зависимость продолжает существовать). Есть основания думать, что данный результат объясняется тем, что возрастание меры рефлексивности приводит к усилению влияния на изучаемую зависимость ряд иных – «сцепленных» с рефлексивностью параметров (например, нейротизма, флексибельности, эмпатичности, когнитивной сложности и др.). Их влияние на зависимую переменную – качество ПР достаточно сложно и неоднозначно, что и проявляется в *диверсифицированности* рассматриваемой здесь зависимости. Рефлексивность, наряду с тем, что сама влияет на качество процессов ПР, изменяет и, в основном, *повышает меру сензитивности* субъекта к влиянию на процессы ПР многих иных – и субъектных, и объектных факторов.

Таким образом, обнаруженная зависимость имеет две основные стороны, обладает двояким смыслом. С одной стороны, она существует «сама по себе» и принадлежит к особому виду зависимостей – к зависимостям типа оптимума. С другой стороны, на эту зависимость «накладывается» и взаимодействует с ней другая зависимость. Это - закономерная связь степени ее «свободы» с индивидуальной мерой рефлексивности. Рефлексивность как таковая, выступая «аргументом» в функциональной зависимости от нее качественных параметров ПР, одновременно является и детерминантой диверсифицированности этой зависимости. Возникает своего рода «зависимость второго порядка» - *метазазисимость*,

«накладывающаяся» на основную («первичную») и изменяющая меру ее строгости. Такого рода метазависимости были уже рассмотрены нами в общеметодологическом плане и объяснены особой – *диверсифицирующей функцией* рефлексивности. Суть этой функции как раз и состоит в том, что параметр рефлексивности может оказывать и, как правило, оказывает, наряду со своим основным влиянием на те или иные переменные, еще и определенное *дополнительное* влияние. Последнее состоит в увеличении дисперсии – мера «разброса» значений той переменной, влияние на которую со стороны рефлексивности изучается, при увеличении самой меры рефлексивности.

* * *

Переходя от данных, полученных на результативном уровне исследования, к материалам, характеризующим собственно *процессуальный* уровень изучаемой взаимосвязи рефлексии и принятия решения, необходимо подчеркнуть следующее важное в методологическом плане обстоятельство. Дело в том, что этот уровень исследования несопоставимо богаче по содержанию и существенно более многоаспектен, нежели результативный уровень. В связи с этим, возникает проблема обоснованной селекции тех аспектов анализа, которые наиболее важны и репрезентативны для общей изучаемой проблемы в целом. Мы считаем, что объективно основными, главными среди них является определение влияния рефлексии не на какие-либо второстепенные, частные особенности процессуальной организации ПР, а ее влияния на аналогичные, то есть также *главные* закономерности этой организации. Известно, что последние обозначаются понятием *принципов процессуальной организации* ПР. Если рефлексия влияет даже на наиболее общие закономерности процессуальной организации, каковыми и выступают ее принципы, то ее влияние *тем более* существует и на все иные – менее общие закономерности и особенности процессуальной организации принятия решения.

В настоящее время известен ряд основных принципов процессуальной организации ПР (итеративности, иерархичности, неравномерности, гетерохронности, минимально достаточной дифференцированности, консолидации, целевой детерминации, взаимосодейственности компонентов и др. [5]). Проведенные исследования показывают, что среди них существуют и такие, которые в наибольшей степени подвержены влиянию фактора рефлексивности.

Прежде всего, следует указать на очень существенные трансформации одного из базовых принципов организации процессуального развертывания решений – *принципа итеративности*.

Суть данного принципа состоит в «спиралевидности» организации процесса ПР: он строится не по типу линейно-последовательного процесса, а предполагает систематические возвраты с одних – уже пройденных этапов на другие, предшествовавшие им; многократное «проигрывание» и последовательное обогащение, совершенствование этапов. За счет этого принципа обеспечивается взаимокоррекция этапов, а в целом – повышается мера внутренней согласованности и целостности всего процесса. Под влиянием фактора рефлексивности мера итеративности процессов ПР значительно повышается, что в известных пределах позитивно сказывается на их итоговых – результативных параметрах. Однако при очень высоких значениях итеративности может возникать явление «гиперитеративности», граничащее с процессуальной ригидностью и с возникновением больших трудностей переходов от одних процесса – к результату – решению (а в крайних случаях – и известное явление «аналитического паралича»).

Столь же очевидными и значимыми являются изменения в характере действия другого важного процессуального принципа – *принципа минимально достаточной дифференциации*. Его суть состоит в том, что организация процесса ПР разворачивается не по типу суммирования и структурирования его этапов, а по типу дифференциации изначально целостного акта выбора на необходимые для него процессуальные средства, каковыми и выступают его этапы. Изначально целостный и недифференцированный процесс выбора расчленяется и дифференцируется лишь на те этапы и в таком их количестве, которые минимально достаточны для его осуществления. В связи с этим, очевидно также, что и описанные в теории решений этапы могут и должны быть рассмотрены как продукты дифференциации процесса выбора; а их количество отражает ту или иную степень его дифференцированности, процессуальной развернутости. Например, этапы формирования представления о задаче ПР и собственно выбора обязательны даже при самой минимальной степени дифференциации. Этап формирования множества альтернатив, конкретизируя собой этап формирования представления о задаче ПР, выступает все же продуктом дальнейшей дифференциации. При необходимости он дополняется этапами формирования множества критериев и критериальной оценки альтернатив, а последняя, также при необходимости, этапом вероятностного оценивания и т.д.

Степень выраженности данного принципа, как показывают эксперименты, прямо зависит от индивидуальной меры рефлексивности и определяется ей: чем она выше, тем более дифференцировано процессуальное содержание решений на этапы (и

подэтапы). При этом следует различать два основных аспекта влияния рефлексивности на меру выраженности данного принципа. Во-первых, у высокорефлексивных индивидов выше дифференцированность общего процесса ПР на отдельные этапы (т.е. выше «степень дробности» процесса. Во-вторых, у них же выше и мера процессуальной развернутости каждого из этапов. Причем, этот – второй аспект различий высоко- и низкорефлексивных индивидов выражен в более отчетливой форме, нежели первый.

Принцип минимально достаточной дифференциации органично связана с еще одной важнейшей закономерностью процессуальной организации ПР. Дело в том, что, как это непосредственно вытекает и принципа минимально достаточной дифференциации, различные этапы обладают и различной «мерой обязательности» в общей структуре процесса, а соответственно, и разной значимостью в плане его реализации. Следовательно, по данному параметру они образуют определенную *иерархию* – от более значимых и необходимых к менее иерархически значимым – выступающим продуктами дифференциации первых. Таким образом, еще одной закономерностью процессуальной организации выработки решений является *принцип иерархичности*. Он регулирует состав и полноту представленности в процессе этапов, а также их соподчиненность друг с другом. С этих позиций расширяется и само понятие иерархии как механизма организации сложных систем, поскольку в данном контексте она является не механизмом структурирования тех или иных образований, а механизмом процессуальной интеграции, средством диахронической организации. Тем самым выявляется иерархичность не только в синхроническом плане (как механизм структурирования), но и в плане диахроническом (как механизм динамики, функционирования).

Обобщая данные о влиянии индивидуальной меры рефлексивности на степень выраженности и используя в этих целях понятия «теории иерархических систем», можно отметить следующее. Мера рефлексивности увеличивает «глубину» иерархии процессуальной организации ПР (то есть степень соподчиненности и опосредствованности его этапов), но снижает «жесткость» этой иерархии.

Все охарактеризованные выше зависимости вполне согласуются друг с другом. Их общий смысл состоит в значимом влиянии рефлексивности на меру процессуальной организованности принятия решения в целом, на выраженность процессуальности как таковой. Чем выше рефлексивность, тем более дифференцированными и расчлененными на этапы, итеративными и дискурсивными являются и сами процессы. Подчеркнем, однако, что процессуальная организация

как таковая является, хотя и важным, но все-таки – лишь одним из условий обеспечения итогового результата - качества самих решений. Важно и то, что организованность, становясь *избыточной*, может трансформироваться в «заорганизованность», обуславливая либо снижение качества решений, либо – вообще блокируя их. Например, гиперитеративность, проявляющаяся в неоправданных «возвратах» с целью проверки и перепроверки, может являться ингибитором решения, выступать одной из причин известного явления «аналитического паралича». Таким образом, представленные материалы показывают, что параметр рефлексивности оказывает значимое воздействие на наиболее общий план процессуальной организации принятия решения – на ее основные принципы.

Не менее, а пожалуй, - даже еще более выраженными и очевидными, наглядными и эксплицированными являются различия процессуальной организации ПР у высоко- и низкореклексивных индивидов и во многих других – *конкретных* аспектах, планах. Мы лишены, к сожалению, возможности в данной статье проанализировать все (или – даже основные) из этих различий. Отметим поэтому в качестве иллюстраций лишь некоторые из них, показательные в плане обсуждаемых проблем.

Так, высокореклексивные индивиды используют в процессах ПР больший объем информации, нежели низкореклексивные; эти различия особенно выражены по отношению к так называемой «внутренней информации» (и в меньшей степени – по отношению к «внешней информации»). Высокореклексивные индивиды более склонны к поликритериальной репрезентации задач на ПР; вообще – более толерантны к наличию не одного, а нескольких критериев, в том числе – и трудносоставимых. Низкореклексивные индивиды, напротив, более склонны трансформировать поликритериальные задачи в монокритериальные. У высокореклексивных индивидов шире репертуар способов и стратегий ПР, но относительно ниже качество их реализации. «Выигрывая» в богатстве репертуара, они «проигрывают» в умении им распорядиться; для низкореклексивных индивидов характерна обратная тенденция. У высокореклексивных индивидов относительно больше так называемая «альтернативная размерность» процессов ПР, то есть они более склонны к реализации выбора с относительно большим числом альтернатив.

Наряду с этим, низко- и высокореклексивные индивиды характеризуются различиями и еще по одному – важному параметру. Низкореклексивные индивиды более склонны (и способны) упрощать ситуацию выбора, если она, действительно, сложна, по сравнению с высокореклексивными. Напротив, высокореклексивные индивиды более склонны усложнять ситуацию выбора, даже если она

относительно несложна. Стил ь ПР у низкореклексивных индивидов более тяготеет к известному полюсу «редьюстинг», а стил ь ПР у высокореклексивных индивидов - к полюсу «огментинг». И, если в задачах на дивергентное мышление, в творческих, теоретических проблемах второй – «усложняющий» стил ь существенно более конструктивен, то в ситуациях ПР, которые требуют «практичности», реализуемости и реалистичности, второй – «упрощающий» стил ь часто оказывается не только более выигрышным, но нередко – и единственно возможным.

Ряд процессуальных явлений, установленных в психологической теории решений, в противоположность уже рассмотренным, не трансформируется значимым образом под влиянием фактора рефлексивности. Они как бы «несензитивны» к данному фактору, толерантны к нему. Среди этих феноменов в первую очередь следует отметить широко изучаемые в когнитивной теории решений «деформации (ошибки) рационального выбора» - «познавательные уклоны» (biasis). Они достаточно широко описаны в литературе, а наиболее известными среди них являются, например, «эвристика репрезентативности», «эвристика доступности», «эффект первичности», «эффект недавности», явление «иллюзорной корреляции», «закон малых чисел» и др. [5,16]. Проведенные нами исследования показали, что, во-первых, мера их изменчивости в зависимости от вариаций степени рефлексивности статистически незначима; во-вторых, сами эти изменения достаточно нестабильны даже по направленности, смыслу (а не только по величине). Все это свидетельствует о достаточно общем и фундаментальном статусе явления «познавательных уклонов»; о его базовом по отношению к рефлексивному контролю характере и, следовательно, - о его определенной независимости от рефлексивного контроля.

Наконец, отметим, что высокореклексивные индивиды более склонны к оперированию вероятностной информацией, а также к работе с допущениями и предположениями, тогда как низкореклексивные индивиды предпочитают более определенные информационные ориентиры. Вместе с тем, как показывают эксперименты

[7], высокореклексивные индивиды характеризуются относительно меньшей (а не большей, как можно было бы ожидать априорно), эффективностью оперирования с вероятностной информацией, нежели низкореклексивные.

* * *

Обращаясь, далее, к заключительному из сформулированных выше – основных вопросов данной статьи, то есть к вопросу о

возможных *психологических механизмах* обеспечения процессов ПР, необходимо отметить следующее принципиальное обстоятельство.

Поскольку процессы ПР принадлежат, согласно нашим представлениям, к специфическому классу процессуальных образований психики - к классу интегральных процессов [7], то и вопрос о механизмах его реализации и обеспечения во многом тождественен вопросу о механизмах *психической интеграции*, о ее формах, закономерностях средств и пр. Соответственно, и вопрос о роли процессов рефлексии при этом заключается в том, как конкретно эти процессы реализуют свои интегративные функции, как они включены в интегральный процесс ПР. Именно из такой постановки проблемы мы исходили при изучении вопроса о возможных механизмах включения рефлексии в психологическое обеспечение процессов ПР.

Исследование механизмов и закономерностей психической интеграции в целом является, как известно, одной из важных теоретических задач общей психологии. Данная задача особенно актуальна в русле когнитивной психологии, а исследования, посвященные этой задаче, представлены в ней очень широко и разнопланово. Вместе с тем, до сих пор традиционная проблематика когнитивной психологии явно недостаточно включает в себя изучение того, процесса, в котором механизмы психической интеграции выражены наиболее полно и отчетливо, составляют самую его суть. Речь идет, разумеется, именно о процессе принятия решения. В развитых нами в [2,4,5,6,7] представлениях показано, что данный процесс является синтетическим, интегральным по своей психологической структуре и содержанию^{*}. Он формируется и разворачивается как закономерная и целеобусловленная интеграция многих иных психических процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных) и образований. Поэтому сама его психологическая природа, его статус создают адекватные и даже – естественные, необходимые предпосылки для изучения общих закономерностей и механизмов психической интеграции. Тем самым процессы ПР являются не только *предметом* исследования, но реализуют функцию *метода* решения одной из основных задач когнитивной психологии – изучения механизмов и закономерностей психической интеграции.

На основе отмеченных выше общетеоретических представлений нами был осуществлен цикл экспериментальных исследований возможных механизмов психологического обеспечения процессов ПР и в особенности – роли рефлексивных процессов в нем. В его основу

¹ Концепция интегральных психических процессов подробно рассмотрена, например в [2]; ее конкретизация по отношению к процессу ПР дана, в частности, в [4].

было положено сочетание двух методических приемов – метода «полярных групп» и метода *матриц интеркорреляций* (с последующим анализом найденных на основе матриц структурограмм отдельных когнитивных качеств и процессов).

Вначале общая выборка на основе метода «полярных групп» [5, 6] дифференцируется по «внешнему критерию» на три подгруппы («лучших», «средних» и «худших»); причем, в роли «внешнего критерия» этой дифференциации выступает качество реализации процессов ПР. Затем в двух группах («лучших» и «худших») проводится процедура психодиагностического обследования, направленного на определение уровня развития основных когнитивных качеств и соответствующих им когнитивных процессов. Особо подчеркнем, что это обследование включало и диагностику уровня развития рефлексивности*.

Далее, по отношению к результатам психодиагностического обследования реализуется метод нахождения матриц интеркорреляций продиагностированных качеств и процессов. Данный метод необходимо рассматривать как иной, нежели аналитический, – как структурный способ изучения субъектно-процессуальных детерминант тех или иных психических явлений. Он позволяет выявить и охарактеризовать детерминацию какого-либо явления не только в плане его аналитических – «единичных» связей с отдельными индивидуальными качествами и процессами, но и в плане его комплексной – структурной обусловленности их целостными подсистемами.

Последующий анализ матриц и построенных на их основе коррелограмм проводился посредством определения их «ведущих» и «базовых» качеств³, а также на основе комплекса методов «индексирования коррелограмм», специально разработанного в русле структурного подхода к изучению механизмов психической интеграции [4,5]. Наиболее важными при этом являются три следующие индекса. Первый из них – индекс *когерентности* структур (коррелограмм) – ИКС; он определяется как функция числа положительных значимых связей в структуре и меры их значимости.

² Тем самым обеспечивалась возможность исследования роли рефлексивных процессов, механизмов и качеств субъекта в общей интегративной структуре когнитивных процессов, обеспечивающих подготовку и принятие решения.

³ Ведущими называются качества, имеющие значимую непосредственную связь (корреляцию) с каким-либо внешним критерием, в отношении которого функционируют определенная структура качеств (в нашем случае – с качеством процессов ПР). Базовыми называются качества, которые имеют наибольший «структурный вес» в какой-либо их целостной структуре. Проще говоря, это – качества, которые имеют наибольшее число связей с другими качествами и наибольшую значимость этих связей. Они наиболее важны для структурирования целостной подсистемы качеств. Они могут и должны быть проинтерпретированы как *структурообразующие*, поскольку «вокруг них» осуществляется синтез, структурирование всех иных качеств.

При этом обычно учитываются связи, значимые на $\alpha=0,99$ и $\alpha=0,95$; первым приписывается «весовой коэффициент» 3 балла, вторым – 2 балла. В ряде случаев учитываются и связи, значимые на $\alpha=0,90$ (с «весовым коэффициентом» 1 балл). Полученные по всей структуре «веса» суммируются, что и дает количественное значение индекса. Второй индекс – индекс *дифференцированности* структур (ИДС); он находится аналогичным образом, но на основе обобщения значимых отрицательных корреляционных связей. Третий индекс – индекс *организованности* структур (ИОС) является функцией от общего количества положительных и отрицательных связей, а также их значимости и определяется как модуль ИКС и ИДС.

В результате исследования были установлены следующие основные закономерности, раскрывающие особенности рефлексивных механизмов и средств обеспечения процессов ПР.

Во-первых, было выявлено, что структуры когнитивных качеств в двух экспериментальных подгруппах статистически достоверно *гетерогенны* по критерию χ^2 . Эти подгруппы образованы на основе значимых различий по «внешнему критерию» - качеству процессов ПР (подгруппы «успешных» и «неуспешных»). В подгруппе «успешных» при этом *степень интегрированности* когнитивных процессов значимо *выше*. Эта же подгруппа имеет и значимо меньший «индекс дивергентности структуры», а также – больший «индекс общей организованности».

Во-вторых, подгруппы «успешных» и «неуспешных» (по внешнему критерию – качеству процессов ПР) существенно различаются в плане *ведущих качеств*. Так, в подгруппе «успешных» практически полностью *отсутствуют* значимые корреляционные связи (и положительные и отрицательные) между степенью развития *отдельных* когнитивных качеств и внешним критерием – качеством ПР. Существующие связи представлены фрагментарно, и то, как правило, - лишь на уровне тенденции (то есть при $\alpha=0,80$). В подгруппе «неуспешных», наоборот, такого рода связи выявляются; иными словами, в ней диагностируется факт существования ведущих качеств как таковых. Можно видеть, таким образом, что в подгруппе «успешных» сильнее детерминация процессов ПР со стороны именно *структурных эффектов* (большая интегрированность и организованность, меньшая дифференцированность), но слабее – со стороны «аналитической» детерминации, то есть в плане обусловленности автономными влияниями когнитивных качеств по отдельности. В подгруппе «неуспешных», напротив, сильнее «аналитическая» и слабее «структурная» детерминация эффективности процессов ПР.

В-третьих, в подгруппе «успешных» рефлексивность не является ведущим качеством, тогда как в подгруппе «неуспешных» имеется тенденция именно к этому, поскольку обнаружена корреляция на $\alpha=0,90$ между уровнем ее развития и «внешним критерием» (качеством ПР) в этой подгруппе. Это означает, что сам тип детерминации процесса ПР в двух подгруппах несколько различен. Во второй подгруппе имеет место более непосредственная детерминация процессов ПР со стороны рефлексивных процессов; в первой же подгруппе такой связи нет; точнее – она носит более опосредствованный характер и поэтому не проявляется в корреляционной зависимости. Отсюда следует, что непосредственная детерминация рефлексией процессов ПР не является эффективной, так как она характерна именно для второй подгруппы (то есть – для «неуспешных»). Более эффективной является детерминация рефлексией процессов ПР по типу структурного, опосредствованного влияния, а не по принципу прямой обусловленности.

В-четвертых, в подгруппе «успешных» *рефлексия является базовым качеством*, то есть качеством, имеющим наибольшее число корреляционных связей со всеми иными качествами и наибольшую значимость связей. В подгруппе «неуспешных» такой закономерности не наблюдается. На наш взгляд, именно этот результат является основным и наиболее показательным для установления действительной роли рефлексивных процессов в обеспечении процессов ПР. Рефлексия, являясь базовым качеством, одновременно выступает поэтому и структурообразующим качеством для всех иных когнитивных качеств, обеспечивающих принятие решения. На ее основе разворачивается та интеграция, которая и составляет суть, содержание, а, возможно, - и *механизм* процесса ПР в целом. Рефлексия не может и, по-видимому, не должна непосредственно влиять на качественные параметры процессов ПР. Это влияние гораздо более сложно, но и сильно; оно строится не по принципу суммативной, «аналитической» детерминации, а по принципу структурной детерминации. Роль рефлексии в интегральном психическом процессе ПР может быть охарактеризована как «организационная», синтезирующая. Рефлексия – это именно *интегратор* всех иных когнитивных процессов, которые непосредственно вовлечены в принятие решения и обеспечивают его результаты.

По отношению к когнитивной сфере функция рефлексии заключается, по-видимому, в том, что она опосредствует, регулирует и в определенной мере согласует вовлечение в процессы ПР всех иных когнитивных свойств. Не имея высокой корреляции с эффективностью ПР и не предопределяя ее напрямую, она оказывает

на решения более опосредствованное, но и более сильное влияние. Это свойство выступает в качестве интегратора, регулятора формы и меры участия всей системы когнитивных качеств в обеспечении решений. Последнее, по существу, есть не что иное как “экспериментальный индикатор” произвольной, осознаваемой регуляции (то есть регуляции, построенной на основе рефлексивных механизмов). Ее эффективность и, следовательно, качество решений определяются, как следует из представленных данных, двумя детерминантами: во-первых, общей когнитивной интегрированностью и, во-вторых, тем, насколько велика роль в ее обеспечении собственно рефлексивных процессов. В этом плане рефлексивность в ее процессуальном аспекте можно трактовать как осознаваемый, произвольно регулируемый уровень механизмов психической интеграции в целом.

В-пятых, установлено, что между подгруппами «успешных» и «неуспешных» *нет* значимых различий по степени развития рефлексивности как таковой. Более того, в подгруппе «неуспешных» эта степень даже несколько выше (хотя и статистически незначимо). Этот – эмпирически установленный результат приводит к достаточно любопытным и не прогнозировавшимся априорно следствиям. Так, он подтверждает уже описанную выше закономерность, согласно которой нет прямой связи между уровнем рефлексивности и способностью к ПР. Далее, он показывает, что, чем более представлено автономное влияние рефлексивности на процесс ПР, тем меньше ее структурное влияние на него. Наряду с этим, он же свидетельствует и о том, что уровень развития рефлексивности сам по себе отнюдь не тождественен ее большим структурообразующим возможностям. Высокая рефлексивность и выраженность синтетической, структурообразующей роли рефлексии – это не совпадающие явления. В связи с этим, употребление терминов «продуктивной» и «непродуктивной»: на наш взгляд целесообразна дифференциация двух типов рефлексии (и рефлексивности) – рефлексия может быть развитой, но «непродуктивной» (а иногда – и «контрпродуктивной»). Однако рефлексия может быть и умеренной по своим уровневым (абсолютным) характеристикам, но при этом – и «продуктивной», обладающей действенным структурообразующим, интеграционным потенциалом (что и проявилось в полученных результатах).

Итак, выделяя главное, можно сказать, что роль рефлексии в психологическом обеспечении ПР – это *роль интегратора* иных, более «локальных» когнитивных качеств и процессов. Эффективность этой роли количественно связана с уровнем развития самой рефлексии нелинейной зависимостью: она наиболее выражена при некотором,

хотя и достаточно высоким, но не предельном значении рефлексивности. Кроме того, следует дифференцировать два типа влияния рефлексивности на развертывающуюся в ходе принятия решения интеграцию иных когнитивных процессов – «продуктивную» и «непродуктивную». Между уровневыми характеристиками рефлексии и типом ее влияния на интеграцию когнитивных процессов нет однозначной связи. Более того, при очень высоких значениях рефлексивности резко повышается вероятность ее «непродуктивного» или даже «контрпродуктивного» влияния на механизмы интеграции психических процессов.

* * *

Сопоставляя изложенные результаты с двумя другими, описанными выше закономерностями (установленными, соответственно, на результативном и процессуальном уровнях исследования), можно сделать заключения более общего плана. Дело в том, что все три группы полученных результатов характеризуются *принципиальной общностью* смысла, что свидетельствует о наличии определенной *метазакономерности*, связывающей рефлексивность с различными аспектами организации процессов ПР. Так, на результативном уровне выявлена зависимость типа оптимума между степенью развития рефлексивности и качеством процессов ПР. На процессуальном уровне обнаружена, по существу, аналогичная зависимость между степенью развернутости, выраженности основных регуляторов процессов ПР – принципов его организации и его качественными параметрами. Наконец, в плане собственно психологических – когнитивных механизмов обеспечения процессов ПР обнаружена принципиально сходная закономерность – наличие нелинейной связи эффективности интегративных механизмов рефлексивности с качественными характеристиками процессов ПР. В этом случае также существует некоторый оптимум значений рефлексивности (а не минимум и не максимум), при которых ее роль как интегратора когнитивных качеств и процессов наиболее высока, эффективна, действенна.

В свете этого – общего результата открывается возможность для уточнения и корректировки одного из главных положений современного метакогнитивизма – положения о месте и роли метакогнитивных процессов в организации психических процессов, прежде всего, – когнитивных [11,12,14]. Дело в том, что рефлексия в ее широкой трактовке (как сознательного контроля, произвольной – осознаваемой регуляции деятельности, в том числе и, прежде всего, – интеллектуальной) во многом репрезентирует систему процессов

метакогнитивного контроля и регуляции как таковых⁴. При этом одним из главных положений метакогнитивизма, которое либо формулируется в явном виде, либо – что чаще – негласно предполагается в виде «неявного знания» (как «само собой разумеющееся») выступает тезис о *прямой*, линейной зависимости между степенью развитости, выраженности метакогнитивных механизмов и эффективностью когнитивной деятельности в целом и интеллектуальной, в особенности [9,10,13,15]. Полученные нами данные свидетельствуют, что такого рода прямой зависимости (которая, повторяем, представляется наиболее очевидной и отвечающей «здравому смыслу») не существует. Имеет место иная зависимость: эффективность интеллектуальной и шире – когнитивной деятельности связана с мерой влияния на нее (то есть со степенью развития, а также - ситуативной и надситуативной представленности) метакогнитивных механизмов нелинейной зависимостью типа оптимума. Это означает, что низкая развитость и малая роль метакогнитивных механизмов ингибирует интеллектуальную деятельность (что вполне объяснимо и естественно). Однако и очень высокая развитость и роль этих механизмов также, как следует из экспериментальных данных, начинает негативно сказываться на эффективности, продуктивности интеллектуальной деятельности и отдельных ее функциональных составляющих (например, на процессах ПР). В этой связи нельзя не отметить, что именно такая зависимость была описана ранее и для связи интеллекта и рефлексивности в целом (цит. по [8]).

Предпринимая попытку интерпретации данной закономерности, мы можем предложить следующую объяснительную гипотезу. Интеллектуальная (и шире – когнитивная) деятельность, а также любой их частный аспект имеют некоторую специфическую для каждого из них систему собственных и относительно самостоятельных механизмов. Они могут быть развиты в той или иной степени, что и является главным фактором их эффективности и продуктивности. Метакогнитивные механизмы выполняют по отношению к ним, прежде всего, функцию так сказать «помощника», регулируя, оптимизируя, систематизируя и т.д. их развертывание [12,15]. Оба этих положения вполне естественны, понятны; они имеют и прямые экспериментальные подтверждения. Однако не следует забывать, что метакогнитивный контроль в наиболее развитых своих проявлениях – это обязательно (то есть – по определению)

⁴ С позиций разрабатываемой нами концепции структурно-функциональной организации рефлексии она также предстает как высший – то есть как *метасистемный уровень* организации психических процессов, базирующийся на двух других уровнях – уровне традиционно выделяемых классов процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных), а также уровне интегральных психических процессов [7].

сознательный, рефлексивно-организованный и потому – *субъективный* контроль. Но, становясь осознаваемым, субъектно-управляемым, этот контроль может отклоняться и достаточно часто отклоняется от тех объективных законов, механизмов и принципов, по которым разворачивается интеллектуальная, когнитивная деятельность. Субъектность в целом (и субъектный метакогнитивный контроль, в частности) в общем случае не совпадают с объективными закономерностями интеллектуальной и когнитивной деятельности, внося в последние «деформации», отклонения, ошибки. Происходит наложения и интерференция двух систем управления когнитивной деятельностью – объективной и субъектной. Первая тождественна *объективным* механизмам интеллектуального, когнитивного функционирования; вторая – метакогнитивным механизмам в их развитых, высших формах – в формах осознаваемого, рефлексивного контроля⁵. И если вторая система начинает либо доминировать, либо просто быть сопоставимой с первой по силе влияния, то эффективность и продуктивность интеллектуальной (и когнитивной в целом) деятельности снижается⁶. Отсюда следует и положение более общего плана. Очень существенная часть всех механизмов и процессов интеллектуальной деятельности в целом и высших психических функций, в частности, не только является произвольной, неосознаваемой, но и *не должна являться* таковой. Перевод их в осознаваемую, произвольно регулируемую форму означал бы замену объективных (и потому – оптимальных) закономерностей и принципов их разворачивания на *субъектные* (а значит – и субъективные) закономерности, принципы и, следовательно, - снижал бы их эффективность. Разумеется, данное положение носит пока гипотетический характер и нуждается в дополнительных исследованиях. Однако по отношению к связи рефлексивных механизмов и эффективности процессов ПР оно прямо вытекает из экспериментальных результатов и может рассматриваться поэтому как эмпирически доказанное.

Литература

1. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. Самара, 1998. 187 с.
2. Карпов А.В. Общая психология субъективного выбора. М.: ИП РАН, 2000. 358 с.
3. Карпов А.В. Психология менеджмента. М.: Гардарики, 1999. 546 с.

⁵ Особым и очень сложным является, разумеется, вопрос о правомерности и критериях дифференциации самих этих систем, а также об их взаимосвязях. Он рассмотрен нами, в частности, в [6].

⁶ В этой связи уместно вспомнить притчу о сороконожке, которая пыталась уследить за движением каждой из своих ног и в результате не смогла сдвинуться с места.

4. Карпов А.В. Психология принятия решения в профессиональной деятельности. М.: ИП РАН, 1991. 180 с.
5. Карпов А.В. Психология принятия управленческих решений. М.: Юрист, 1998.
6. Карпов А.В., Пономарева В.В. Психология рефлексивных механизмов управления. М.: ИП РАН, 2000. 283 с.
7. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология рефлексии. М.: Институт психологии РАН, 2002. 303 с.
8. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.: Барс, 1997. 391 с.
9. Flavell J.H. Metacognitive aspects of problem solving // The nature of intelligence. N. Y., 1976. P. 231-235.
10. Flavell, J.H. Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive-developmental inquiry. American Psychologist, 1979.
11. Forrest-Pressley, D. L., G. E. MacKinnon, and T.G. Waller (Eds.). Metacognition, Cognition, and Human Performance, Vols. 1 and 2. Orlando, FL: Academic Press, 1985.
12. Metcalfe, J. and A.P. Shimamura (Eds.). (1994). Metacognition: Knowing about Knowing. Cambridge, MA: MIT Press.
13. Nelson, T. O. (Ed.). (1992). Metacognition: Core Readings. Boston: Allyn and Bacon.
14. Schneider, W. And F. E. Weinert (Eds.). (1990). Interactions among Aptitudes, Strategies, and Knowledge in Cognitive Performance. New York: Springer-Verlag.
15. Schraw, G. and D. Moshman. (1995). Metacognitive theories. Educational Psychology Review 7: 351-371.
16. Tversky A., Kahneman D. Judgement under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. 1974. Vol. 185. P. 1124-1131.

Психология образования

Реан А.А.

Асоциальное поведение несовершеннолетних как проблема психологии образования

Асоциальное поведение несовершеннолетних по-прежнему остается одной из важных проблем психологии образования. Автор выделяет пять актуальных направлений в этой области, связанных как с профилактикой, так и с коррекцией девиантного, делинквентного поведения, ролью в этих процессах социальных институтов и психологов системы образования. В статье приводятся официальные данные о количестве подростков, поставленных на учет в милиции, безнадзорных и беспризорных, их правонарушений, употреблений ими алкоголя, токсико-наркотических веществ. При этом особое внимание уделяется анализу непосредственного окружения таких подростков (семье, друзьям), а также современным СМИ, транслирующим сцены жестокости и насилия. Все это позволяет автору рассматривать проблему асоциального поведения детей и подростков как комплексную социальную проблему, определяющей в которой автор считает работу с семьей, оказание ей помощи социального (в том числе и материального), психологического, педагогического и юридического характера.

Ключевые слова: *асоциальное поведение, социализация, девиантные, делинквентные дети и подростки, средства массовой информации, семья*

Рассматривая асоциальное поведение несовершеннолетних как проблему психологии образования, можно выделить несколько актуальных направлений деятельности.

Первое направление – это превенция асоциального поведения несовершеннолетних, построение и осуществление стратегии профилактической работы. В самом общем плане эта работа, по нашему мнению, сводится к обеспечению эффективного процесса социализации личности. Ясно, что такая работа является системной и комплексной. Она не может осуществляться силами только психологов и завязана на многих других специалистов, прежде всего среди них – педагогов. Гигантская роль в осуществлении эффективной социализации принадлежит семье. Вместе с тем понятно также, что не может быть построена эффективная система

превентивной работы и целенаправленной социализации личности вне психологического контекста и без участия практических психологов.

Второе направление – это специальная работа психолога системы образования с девиантными, делинквентными детьми и подростками. В рамках этого направления можно выделить научно-методическую разработку основных подходов к коррекционной работе, программ специальных тренингов и индивидуальной коррекционной работы. Отдельная задача – изучение и профессиональное освоение этих разработок практическими психологами. Можно, в связи с этим, говорить и о «девиантно-делинквентной» специализации практического психолога. В качестве важнейших и актуальных областей таких разработок, полагаем можно считать: формирование направленности личности и просоциальных установок, развитие позитивной Я-концепции, формирование социально-психологической компетентности и навыков адекватного межличностного взаимодействия в группе, индивидуально-коррекционная работа при различных типах дисгармоничности характера. В рамках этого же направления важной задачей является построение эффективного взаимодействия и соподчиненной деятельности (1) с педагогами и (2) с семьей.

Третье направление – это определение специфики и уточнение компетенции различных организационных форм деятельности в области превенции и коррекции асоциального поведения, а также ресоциализации девиантных и делинквентных несовершеннолетних. В первую очередь мы здесь имеем ввиду такие социальные институты как школа, профтехучилище, ППМС-центры, подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН), специализированные консультативные центры, а также, в качестве так называемой проектной формы организации деятельности, - специальные профильные программы районного и городского уровня.

Четвертое направление – это построение эффективной системы специальной подготовки, переподготовки и повышения квалификации психологов системы образования в области проблем асоциального, девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних, ресоциализации личности. В настоящее время крайне мало примеров удовлетворительного построения такой работы. Система специальной подготовки и переподготовки в этой области не может быть «чисто академической» и сугубо теоретической. Конечно, она должна опираться и должна транслировать самое современное и научно обоснованное психологическое знание в указанной области. Но вместе с тем, эта система подготовки и переподготовки должна максимально операционализировать наработанное теоретическое

знание, реализовав его в практических методиках и программах профилактической и коррекционной работы психолога.

Пятое направление - это лицензирование программ и деятельности в области превенции и коррекции асоциального, девиантного и делинкветного поведения несовершеннолетних. Необходимость решения этой задачи ощущается практически всеми профессионалами, работающими в рассматриваемом поле практической психологии. Однако реальное ее разрешение, даже при наличии согласованного общего желания, вовсе не простое дело. К очевидным трудностям на пути к решению этой задачи можно отнести выработку относительно универсальных и объективных критериев экспертизы, отбор экспертов и построение системы минимизации субъективности экспертных оценок, придание процедуре лицензирования четкого правового статуса.

Ниже несколько подробнее остановимся на некоторых важных содержательных аспектах рассматриваемой проблемы.

По официальным данным, число подростков, поставленных на учет за совершение общественно опасных деяний до достижения 14-ти летнего возраста, составляет порядка 66 тысяч человек (Социальное сиротство..., с.15).. На конец 2000 года, по сведениям МВД России, насчитывалось 41,5 тыс. неформальных группировок молодежи (в 1998 году — 38 тыс., в 1999 году — 42,6 тыс.) и на учете милиции состояло 119,3 тыс. подростков, входивших в их состав (О положении..., 2001; Мир детства/3, 2002, с.54).. По имеющимся данным, 20% уличных проституток являются несовершеннолетними (от 13 до 17, средний возраст – 15,3 лет), причем половую жизнь они начали, в среднем, в 13,1 лет (Мир детства/1, 2002, с.7)..

Четко просматривается тенденция увеличения количества правонарушений, совершенных детьми и подростками, проживающих в полных семьях. Так согласно существующим статистическим данным, из числа осужденных несовершеннолетних доля воспитывающихся вне семьи составила только 5,3%, в неполной семье воспитывалось 38,9%, в полной семье воспитывались 55,9% (Забрянский Г.И., 2000). Потребность в неформальном, нерегламентированном общении с родителями у подростков выявляется не меньше, чем в общении со сверстниками. Однако, проведенные исследования показывают, что общением с матерью удовлетворены только 31,1%, а с отцом – всего 9,1% подростков (Мир детства/2, 2002, с.45). Только за один год примерно 248 тысяч родителей подвергаются мерам административного воздействия за злостное невыполнение своих обязанностей по воспитанию и обучению детей, в суды направляются материалы для возбуждения до

33 тысяч дел о лишении родительских прав (О положении..., 2001; Мир детства/3, 2002, с.54).

В России по различным оценкам на сегодняшний день число безнадзорных и беспризорных составляет от 1 до 1,5 миллиона, более 660 тысяч официально зарегистрированных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. При этом абсолютное большинство из них, порядка 90%, - это социальные сироты, то есть сироты при наличии живых родителей. Анализ данных по беспризорным детям показывает, что большую часть беспризорных детей составляет возрастная группа от 7 до 15 лет – примерно 70% (Социальное сиротство..., с.7, 11).

Данные авторитетных исследований показывают: до 14 лет пробуют алкоголь более 30% подростков, а дети до 7 лет составляют почти 4% (Гурвич И.Н., 2002). Возраст приобщения к токсико-наркотическим веществам снизился в среднем до 14,5 лет. Анализ опроса подростков в возрасте 10-17 лет, проведенного в ходе специального исследования, о степени их информированности о наркотиках показал, что основным источником информации во всех возрастных группах учащихся являются средства массовой информации. С возрастом отмечается снижение страха перед наркотиками, увеличивается число подростков, пробовавших наркотические вещества. Все подростки достаточно хорошо осведомлены об основном списке наркотиков: знают 10-12 наименований в 5 классе, до 15-16 наименований в 8 классе и до 20-25 наименований в 11 классе. При этом педагоги могут назвать только 3-5 наименований наркотиков (Шипицына Л.М., 2000).

Значительный вклад в формирование асоциальности несовершеннолетних вносят современные СМИ. Каждая третья-четвертая сцена на экране заканчивается убийством, а каждая двенадцатая – жестоким избиением, каждая седьмая – откровенной эротикой или половым актом. По представленности сцен насилия и эротики на экране первое место занимают художественные фильмы – на их долю приходится 57% таких трансляций. Второе место принадлежит рекламе – 23,3% трансляций сцен насилия и эротики приходится на ее долю. Третье место занимает хроника – 12,6% (Собкин В.С., Кузнецова Н.И., 1998). Однако современная психология исходит из того, что одним из центральных механизмов формирования асоциального и агрессивного поведения является именно механизм наблюдения. В рамках концепции социального научения (А. Бандура и его последователи) было убедительно показано, как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях анализа, что наблюдение может оказываться даже более

«действенным» механизмом научения асоциальности, чем непосредственный опыт личности.

В связи с этим, полагаем, что необходима профессиональная экспертиза (силами самих СМИ и независимая) предполагаемых трансляций, с точки зрения их соответствия различным возрастным группам молодежной аудитории. Также необходимо (и это должно быть закреплено нормативно) предупреждение аудитории, посредством использования специальных заставок, о возрастных ограничениях, налагаемых конкретной трансляцией (теми или иными программами, фильмами и т.д.). Данные заставки должны предшествовать непосредственной трансляции, а также присутствовать в печатных анонсах. И, наконец, в более общем плане, требуется разработка концепции осуществления молодежной политики в СМИ.

Семья, как известно, является важнейшим институтом развития и социализации личности. Именно в семье человек получает первый опыт социального взаимодействия. На протяжении какого-то времени семья вообще является для ребенка единственным местом получения такого опыта. Затем в жизнь человека включаются такие социальные институты как детский сад, школа, улица. Однако и в это время семья остается одним из важнейших, а иногда и наиболее важным, фактором социализации личности. *Семью можно рассматривать в качестве модели и формы базового жизненного тренинга личности.* Социализация в семье происходит как в результате целенаправленного процесса воспитания, так и по механизму социального научения и подражания. В свою очередь сам процесс социального научения также идет по двум основным направлениям. С одной стороны приобретение социального опыта идет в процессе непосредственного взаимодействия ребенка с родителями, братьями и сестрами, а с другой стороны социализация осуществляется за счет наблюдения особенностей социального взаимодействия других членов семьи между собой.

Отношение к семье в ходе взросления меняется. В процессе социализации группа ровесников в значительной степени замещает родителей, или, как говорят некоторые специалисты, происходит «обесценивание» родителей. Перенос центра социализации из семьи в группу ровесников приводит к ослаблению эмоциональных связей с родителями. Необходимо заметить, что замечания относительно «обесценивания» родителей в подростковом и юношеском возрасте являются очень распространенными и даже, можно сказать, стали общим местом. Очевидно, это верно как общее направление возрастного развития личности. Однако глобализация этих

представлений, гиперболизация идеи о “замещении родителей” группой сверстников – не вполне соответствует реальной картине.

Имеются данные, что хотя родители как центр ориентации и идентификации действительно отступают в этом возрасте на второй план, это все-таки относится лишь к определенным областям жизни.

Для большинства молодых людей родители и особенно мать остаются главными эмоционально близкими лицами. Так, в одном социально-психологическом исследовании, было показано, что в *проблемных* ситуациях наиболее эмоционально близким, доверенным лицом для подростка прежде всего служит мать, а затем, в зависимости от ситуации в разной последовательности - отец, подруга или друг. В другом исследовании старшеклассники ранжировали, с кем они предпочли бы проводить свое свободное время - с родителями, с друзьями, в компании сверстников своего пола, в смешанной компании и т.д. Родители оказались у юношей на последнем (шестом) месте, у девушек - на четвертом месте. Однако, отвечая на вопрос, “С кем бы ты стал советоваться в сложной житейской ситуации?” - и те и другие поставили на первое место мать. На втором месте у мальчиков оказался отец, у девочек - друг, подруга (Кон И.С., 1989). Иначе говоря, с друзьями приятно развлекаться, но в трудную минуту лучше обратиться к маме. Это общая, нормальная тенденция поведения в подростковом и юношеском возрасте. Однако проблема состоит в том, что многие так называемые “уличные дети” и «подростки группы риска» не имеют *таких нормальных* семейных отношений и *таких нормальных родителей*, к которым они могли бы обратиться в сложных, проблемных жизненных ситуациях.

Последние данные, полученные в социально-психологических исследованиях *современной* молодежи, подтверждают идею о важнейшей роли семьи и родителей в нормальном развитии личности как в подростковом, так и в юношеском возрасте. Как показано в одном таком исследовании (Реан А.А., Санникова М.Ю., 1998, 2003) в системе отношений личности к социальному окружению, в том числе определялось и отношение к сверстникам, именно отношение к матери оказалось наиболее положительным. Было установлено, что снижение положительного отношения к матери, увеличение негативных характеристик при описании матери коррелирует с общим ростом негативизации всех социальных отношений личности. Можно полагать, что за этим фактом стоит фундаментальный феномен проявления тотального негативизма, то есть негативизма ко всем социальным объектам, явлениям и даже к социально-правовым нормам, у тех личностей, для которых характерно негативное отношение к собственной матери. В целом, как установлено в

исследовании, негативное отношение к матери является важным показателем общего неблагополучного развития личности.

Характерная для подросткового возраста *реакция группирования* связана с ярко выраженным стремлением к группированию со сверстниками. Группы могут иметь жесткую структуру или быть аморфными. Первое характерно для групп криминальной направленности и для однополых мужских групп; второе более характерно для некриминальных групп и для групп смешанных по полу. Можно указать, как минимум, на две причины, обуславливающие *трудность выхода* из группы. Первая причина - при жесткой структуре группы выход должен быть санкционирован, разрешен лидером. Несанкционированный выход наказывается, и нередко весьма жестоко. Вторая причина - более важная и более распространенная имеет более глубокий *внутриличностный* характер. Исследования показывают, что у абсолютного большинства так называемых “трудных” детей и подростков блокирована одна из фундаментальных потребностей человека - потребность в уважении, принятии и любви. Насколько важна эта потребность ясно из того, что она входит в “пятерку” базовых потребностей человека: наряду с такими, как потребности физиологические (еда, питье, сон и др.) и потребность в безопасности. Школа или семья, в которой блокируется возможность удовлетворения потребности ребенка в принятии и уважении, “выталкивают” его на улицу. Там он ищет, и в результате иногда долгих (а иногда и не долгих) поисков находит ту группу, в которой эта потребность может быть удовлетворена. Именно психологической комфортностью пребывания ребенка, подростка в такой группе объясняется то, почему терпят провал многочисленные попытки родителей, школы, милиции силой вырвать ребенка из этой группы. Выход есть. Но связан он не силовыми действиями, а с психологическими и педагогическими усилиями по формированию и включению подростка в такую неформальную группу *просоциальной* направленности, в которой вышеназванная потребность была бы реализована.

Важнейшим направлением деятельности практических психологов (или при их методическом консультировании – педагогов и родителей) является развитие такой личностной составляющей как ответственность. В иных терминах мы говорим об интернальном и экстернальном локусе контроля личности. Интернальность коррелирует с социальной зрелостью и просоциальным поведением. Экстернальность корреляционно связана с недостаточной социальной зрелостью и асоциальным поведением. Интерналы, как показано в целой серии эмпирических исследований, отличаются большей терпимостью, большей целеустремленностью, самостоятельностью,

меньшей агрессивностью, более благожелательным отношением к окружающим (в том числе, к сотрудникам правоохранительных органов), чем экстерналы. По некоторым данным (А.А.Реан,1994), среди молодых делинквентов доля экстерналов составляет 84%, в то время как к интерналам относятся лишь 16%. Исследования, где объектом изучения были молодые люди того же возраста, но уже с четкой просоциальной ориентацией, с позитивной шкалой ценностей (А.А.Реан, Д.Ю.Карандашев,1994), показывают совершенно иное распределение по типам контроля. Картинка "повторяется", но с точностью до наоборот. В группе молодых людей с просоциальной ориентацией, демонстрирующих в поведении высокий для возраста уровень социальной зрелости, интерналами оказались 72%, а экстерналами лишь 4%.

Дополнительно к сказанному приведем некоторые факты об особенностях отношения подростков к работникам милиции, полученные в результате специальных исследований (Реан А.А., 1999). Итак, обобщенный портрет, образ милиции в представлении молодежи (наиболее часто употребляемые характеристики): жестокий, агрессивный, подозрительный, властный, недоверчивый, озлобленный, бездушный, несправедливый, равнодушный.

Нетрудно заметить, что социальный образ работника милиции является исключительно негативным. Положение не меняется даже если принять, что подозрительность и недоверчивость просто являются отражением особенностей профессиональной деятельности милиционера и входят в разряд качеств, необходимых для ее успешного осуществления. Негативная роль такого социального стереотипа в первую очередь может сказываться на эффективности правового воспитания, а в более общем плане - на успешности правовой социализации личности, формировании правосознания и правопослушности личности. Если в описании представителя и защитника закона нигде не встречаются характеристики, связанные с позитивным понятием "справедливость", но при этом в первую десятку важнейших качеств попадают такие как "несправедливость", "агрессивность", "жестокость", "равнодушие", то появляется вопрос - а справедлив ли сам закон (по крайней мере в субъективном восприятии закона личностью), или же он "что дышло, как повернешь - так вышло". Можно полагать, что выявленный и описанный здесь негативный социальный стереотип работника правоохранительных органов, с одной стороны является следствием, но с другой стороны также и причиной *правового нигилизма* россиян. Феномен правового нигилизма в последнее время все более часто начинает рассматриваться многими вообще как особенность российского менталитета, имеющего давние исторические корни. Как видно эти

корни действительно являются прочными, они, кроме того, предстают не только как исторические, но и как психологические, и имеют свои основания уже в психологии детства. Совершенно понятно, что на базе такого представления о работнике милиции реальное общение подростка с конкретным работником, например отдела по профилактике преступности несовершеннолетних, будет чрезвычайно затруднено.

Проблема асоциального поведения детей и подростков, безнадзорности, беспризорности и социального сиротства - это комплексная социальная проблема. Дети, оказавшиеся по тем или иным причинам на улице, вне забот и влияния семьи нуждаются в разнообразной помощи. Данные специальных исследований и практика работы социальных служб для безнадзорных детей показывают, что около 30% из них нуждаются в помощи психолога, около 50% - нуждаются в услугах врача (различных конкретных специальностей), 70% необходима активная помощь и сотрудничество со стороны родителей, почти 80% нужна широкая, многоаспектная помощь социальных служб (Сырцев В.В., 1998; Уличные дети ...).

Однако при всей важности и необходимости удовлетворения названных потребностей, мы все-таки полагаем что магистральным направлением решения проблем асоциального поведения несовершеннолетних, безнадзорности, беспризорности и социального сиротства является система профилактических и предупреждающих мероприятий. При таком подходе центр тяжести всей системы должен быть перемещен на работу с семьей. Причем эта работа также должна оставаться *комплексной* и включать в себя меры помощи социального (в том числе и материального), психологического, педагогического и юридического характера.

Литература

1. Гурвич И.Н. Уровни и модели употребления алкоголя подростками. // Мир детства. 2002. № 2. С. 24-31.
2. Забрянский Г.И. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности (статистико-криминологическое исследование). – М. 2000.
3. Кон И.С. Психология ранней юности. – М. 1989.
4. Мир детства, № 1, 2002, с.7.
5. Мир детства, № 2, 2002, с.45.
6. Мир детства, № 3, 2002, с.54.
7. О положении детей в России. Государственный доклад, 2000. – М. 2002.
8. О положении детей в России. Государственный доклад, 2001. – М. 2001.

9. Психология подростка. Полное руководство. / Под ред. А.А.Реана. – СПб.-М. 2003.
10. Реан А.А. Подростковая агрессия. // Психология человека от рождения до смерти. – СПб-М. 2001. с.383-392.
11. Реан А.А., Дандарова Ж.К., Прокофьева В.А. Социальное сиротство в современной России. Аналитический доклад. – М. 2002.
12. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. – СПб. 1999.
13. Собкин В.С., Кузнецова Н.И. Российский подросток 90-х: движение в зону риска. М. 1998.
14. Уличные дети и мобильная работа с молодежью. – Штутгарт – СПб. 1998.
15. Шипицына Л.М. Диагностика наркоманий у подростков групп риска. // Социальная работа с детьми и подростками группы риска. / Под ред. Реана А.А. – СПб. 2000. С. 146-147.

Структура типов профессиональных Я-концепций

В статье с позиций аналитических и синтетических задач системного подхода рассматривается профессиональная Я-концепция как система сопряженных с оценкой представлений человека о себе как субъекте профессиональной деятельности и как личности, предназначенная для реализации тех или иных по целесредственным ценностно-смысловым отношений человека к профессии и через это для обеспечения его собственного функционирования и/или развития и самореализации в профессии. Анализируются системообразующий фактор (целесредственные смысловые отношения человека к его профессии), выделяются типы профессиональной Я-концепции, характеризующиеся специфической структурами.

Ключевые слова: профессиональная Я-концепция; целесредственные ценностно-смысловые отношения к профессии; системообразующий фактор; типы профессиональной Я-концепции, структуры этих типов.

Логика развития научно-психологических исследований закономерно привела к необходимости реализации системного подхода к изучению профессиональной Я-концепции. Понятия: структура, система, подсистема, уровень, аддитивность, иерархия, целостное образование, компонент и т.п. используются при описании самосознания [36], самоотношения личности [29, 36], целостной Я-концепции и ее отдельных компонентов [17, 24, 28, 42, 44]. Несмотря на наличие в дефинициях профессиональной Я-концепции системных понятий [15, 23, 25], отсутствуют описания системообразующего фактора, целевого назначения, целостной структуры, интегральных характеристик профессиональной Я-концепции, обозначаемой как система. В ряде теоретических и эмпирических работ явно или неявно доказывается определяющее значение психологических отношений человека к его профессиональной деятельности для содержания, структуры, динамики, функций профессиональной Я-концепции. Подавляющее большинство исследований, содержащих данные о влиянии отношений человека к профессиональной деятельности на его Я-концепцию, носят теоретико-констатирующий характер, прямо указанное влияние не изучают, в них понятие "отношение" принимается как данное, содержание отношений человека к профессии трактуется полярно, анализируются прежде и более всего

характеристики профессиональных самооценок. Все это делает формальным понимание профессиональной Я-концепции как системы.

Указанные положения, осмысленные на основе аналитических и синтетических задач системного подхода, позволяют по-иному взглянуть на сущность профессиональной Я-концепции человека как системного образования. Аналитические задачи системного исследования сводятся к установлению системообразующего фактора, целевого назначения, состава, структуры, функций и интегральных характеристик системы. К синтетическим задачам системного исследования относят построение модели системы, повышение уровня абстрактности ее описания, определения полноты состава, структуры, базиса описания, закономерностей динамики и поведения системы [11, 43]. В психологии сложились представления о развитии профессионального самосознания в общем процессе развития личности, ее самосознания, реальных отношений человека с миром, в том числе и отношений человека с социально-профессиональной средой. Профессиональная Я-концепция имеет место уже на стадии оптации [21] или на стадии профессиональной подготовки [14, 23]. Опираясь на указанные задачи и сложившиеся представления о профессиональной Я-концепции, опишем последнюю как систему.

Под системообразующим фактором системы понимают [38, 40] интегрирующий фактор, который является ее активным центром, совпадает с ее сущностью, обеспечивает целостность, устойчивость, формирование системой собственных внутренних условий существования и предпосылок нового, выступая категорическим императивом для компоновки, создания благоприятной формы взаимодействия между компонентами системы, отбора нужных степеней свободы деятельности, темпов реализации отдельных механизмов, реорганизации и остановки дальнейшей мобилизации системы. В конкретном случае для выделения системообразующего фактора требуется специальный анализ не отдельного изолированного явления, а обращение к другому уровню и к другому масштабу рассмотрения жизнедеятельности человека, т.е. анализ макросистемы [20, с. 125].

Результаты проведенного нами теоретического анализа различных аспектов изучения профессионального самосознания и ценностно-смысловых отношений к профессии (ее отдельным сторонам) позволили установить, что именно содержание этих отношений влияет на уровень, адекватность, устойчивость, индивидуализированность самооценок и профессиональных самооценок, на содержание осознаваемых человеком в профессиональной Я-концепции его свойств. В структурном аспекте

изучения Я-концепции выявлено влияние содержания ценностно-смысловых отношений к деятельности на величину дистанции между отдельными измерениями Я-концепции, на доминирование или на сближение в ней личностных или субъектно-деятельностных свойств. Прослеживается ведущая роль смыслообразующих мотивов в установлении соотношений отражаемых в Я-концепции свойств человека и в иерархии компонентов эмоционально-оценочной системы. В рамках динамического аспекта изучения Я-концепции ее возникновение связывается с осознанием человеком мотивов и целей профессиональной деятельности, с формированием профессиональной позиции и с нахождением глубинных смыслов своей деятельности. Изменяющееся в ходе профессионального становления содержание смыслообразующих мотивов прямо связывается с выявлением человеком своих возможностей, раскрытием новых граней своего "Я". На различных этапах профессионального становления то или иное по содержанию ценностно-смысловое отношение к профессиональной деятельности сочетается с тем или иным содержанием осознаваемого человеком в себе. В рамках функционального аспекта изучения профессиональной Я-концепции ее функции (регуляции, восприятия, интерпретации, антиципации информации) связываются исследователями со значимостью конкретной профессиональной деятельности для человека. Иными словами, содержание ценностно-смысловых отношений человека к его профессиональной деятельности (или к ее отдельным сторонам) выступает системообразующим фактором, который определяет состав, структуру, динамику осознаваемого в профессиональной Я-концепции.

Исходя из положений концепций отношений [27] и смыслов [18], мы определяем ценностно-смысловое отношение к профессиональной деятельности как устойчивое психологическое отношение субъекта к профессии, в которых она (или ее отдельные стороны) презентуется в сознании субъекта как желательная, должная, совершенная (ценность) либо как занимающая место цели или средства в жизнедеятельности субъекта, в реализации тех или иных его потребностей и ценностей.

На основе обобщения результатов теоретических и эмпирических исследований, прямо или косвенно посвященных изучению отношений человека к его профессиональной деятельности, а также на основе философского понимания смысловых отношений как целесредственных [37] нами выделены типы ценностно-смысловых отношений, обозначенных как средственные, потребностно-технологические, ценностные, амбивалентные. В средственных отношениях деятельность (содержание, цели и

результаты) рассматривается субъектом как средство достижения его собственных целей, удовлетворения потребностей и стоящих за ними внешних смыслообразующих мотивов, не связанных непосредственно с содержанием, целью и результатами деятельности. В потребностно-технологическом отношении деятельность (содержание, цели, результаты) воспринимается субъектом как его актуальная цель по удовлетворению собственной привычно актуализирующейся потребности (и стоящих за ней внутренних процессуально ориентированных мотивов) в этой деятельности. Субъект выполняет служебную функцию средства в достижении цели деятельности. При потребностно-технологическом отношении субъект заинтересован в стабилизации содержания, условий, целей, результатов деятельности, ибо в противном случае невозможно удовлетворение его привычной потребности в деятельности привычными же способами. В ценностном отношении деятельность (содержание, цели, результаты) воплощает личностную ценность самого субъекта, не только реализующуюся в этой деятельности, но и выводящую его за пределы последней. Здесь человек служит целям профессии настолько, насколько они воплощают его собственные ценности, тогда сам он и его профессиональное дело рассматриваются им как единое целое, как ценности-цели самого человека. В любом из трех указанных отношений выделены потенциально конфликтные отношения, при наличии которых общее содержание отношения к профессии характерно для субъекта в целом, а его отдельные (субъектно-деятельностные или личностные) проявления тяготеют к реализации иного по содержанию отношения к профессии. В четвертом амбивалентном отношении имеет место актуальная конфликтность, вследствие которой общее устойчивое отношение человека к профессии не устанавливается.

Системообразующим фактором профессиональной Я-концепции выступает целесредственное по содержанию ценностно-смысловое отношение к профессии, презентующее в образе предметно-профессиональную деятельность как занимающую место цели (или средства, или ценности) в отношении потребностей субъекта. В зависимости от содержания системообразующего фактора профессионал осмысливает себя в целом и свои отдельные свойства (субъектно-деятельностные или личностные) в качестве цели или средства по отношению к предметно-профессиональной деятельности, что и обуславливает специфическое содержание, структуру и характеристики профессиональной Я-концепции.

Критерием выделения системы из среды выступает ее целевое назначение или отличающаяся постоянством цель системы [7, 10; 13; 43]. Функционально-целевое назначение профессиональной

Я-концепции состоит в осознании (осмыслении) человеком - субъектом конкретной профессиональной деятельности и личности - себя, своего места, назначения в профессиональной деятельности в соответствии с определенным целесредственным ценностно-смысловым отношением к ней, что и обеспечивает его функционирование, развитие, самореализацию в профессии.

Содержательный анализ предполагает раскрытие состава, составляющих элементов, компонентов системы [20, 43]. Компонент системы - объединяющее обозначение для элемента, подсистемы и подструктуры [10, 43], а возможность отнесения к системе того или иного ее компонента, обладающего определенным функциональным качеством, основывается на мере его участия в достижении цели [20, 43]. В качестве элемента системы выделяется единица, свойства и функции которой зависят от ее места в рамках системы и взаимоопределимы со свойствами и функциями целого, т.е. "минимальная единица, способная к относительно самостоятельному осуществлению определенной функции" [10, с. 185].

На базе предложенной Рубинштейном С.Л. [31] теоретической модели единства общего психического облика человека нами рассматривалось содержание профессиональной Я-концепции, отражающей качественно и функционально различающиеся интенциональные, инструментальные, экспрессивные свойства черты. Указанные черты, отнесенные в самоописании самим человеком к обеспечению конкретной профессиональной деятельности (процессу и результатам, предмету, условиям и средствам) или к более широкому непрофессиональному контексту жизнедеятельности (регулированию человеком объема и меры активности социальных контактов, образованию собственной среды развития и проектированию им собственного поведения), представлены в содержании его профессиональной Я-концепции как, соответственно, субъектно-деятельностные и личностные свойства. Будучи взаимосвязанными, но различными по происхождению, содержанию, функциям, возможности их реализации в дифференцированных по широте и специфике реальных отношениях человека, они индивидуализировано им используются в ходе его профессионального становления. Это находит отражение в различных вариантах их соотношения в содержании профессиональной Я-концепции. Положение системного анализа о том, что в рамках одной системы могут существовать некоторые из подсистем, одни из которых, возникшая ранее и независимо от общей системы, включаются в нее как подчиненные осуществлению определенной функции; а другие подсистемы формируются одновременно и в связи с саморазвивающейся общей системой как ее специфический элемент

[38], приводит к выводу, что подсистемами профессиональной Я-концепции выступают отраженные в ее содержании личностные и субъектно-деятельностные свойства человека. Они конкретизируются в самоописаниях в разной степени осознанности, значимости, временной представленности интенциональных, инструментальных и экспрессивных чертах. Целостность, единство выделенных компонентов (подсистем) базируется на общем функционально-целевом единстве всех представленных в профессиональной Я-концепции черт - обеспечивать реализацию того или иного ценностно-смыслового отношения к профессиональной деятельности, а через это - адаптацию и развитие человека в его профессии. Единицей анализа профессиональной Я-концепции выступает смысл (цели или средства) той или иной, входящей в соответствующий компонент черты, которым она наделяется в рамках единого целесредственного отношения, в единстве субъектной и объектной сторон последнего.

Структурный анализ системы предполагает раскрытие взаимосвязей отдельных компонентов системы, ее структуры [11, 43]. Связанность между элементами, придавая системе устойчивость и определенность, рассматривается как одна из определяющих характеристик системы и как средство ее исследования. Фиксируемые в конкретных психологических исследованиях связи между различными переменными обозначаются как корреляционные, каузальные, условие, фактор, предпосылка, опосредствование [20]; суперординатные и субординатные отношения [13], иерархические, структурные координационные (внутри и между подсистемами) и каузальные субординационные (между подсистемами) [30], субординационные [32], иерархические [18]; попарного взаимобратимого соответствия [31, 39]; индивидуально подвижные отношения взаимопереходов [8].

Обобщив результаты исследований в рамках структурного аспекта изучения Я-концепции, выделим связи: 1) согласованности, совмещения, соответствия между Я-концепцией в целом и реальными проявлениями личности; 2) сбалансированности, наличия определенной дистанции между различными измерениями Я-концепции; 3) причинно-следственные в феноменальном плане связи между когнитивной и эмоционально-оценочной составляющими Я-концепции или связи определяющего, реорганизующего влияния одной составляющей на другую; 4) меняющиеся местами причинно-следственные связи между самооценками; 5) подвижной взаимосогласованности, доминирования тех или иных содержательно и функционально различающихся свойств в Я-концепции.

Можно обозначить различные варианты соотношения реальных личностных и субъектно-деятельностных свойств человека в его профессии: 1) их совмещение, сближение; 2) доминирующее влияние субъектно-деятельностных свойств на личностные; 3) доминирующее влияние личностных свойств на субъектно-деятельностные; 4) не пересекающееся в профессии человека существование личностных и субъектно-деятельностных свойств. В соответствии с положением о необособимости содержания Я-концепции человека от реальных, присущих ему свойств [28] полагаем наличие указанных вариантов соотношений входящих в Я-концепцию компонентов. Объясняя возможность установления той или иной связи, мы исходим из принципа смысловой интеграции [16, 29], раскрывающей не только роль деятельности, но, в основном, решающую роль содержания смыслообразующих мотивов в преимущественном осознании той или иной черты в профессиональной Я-концепции. В конкретных психологических исследованиях связи между составляющими Я-концепции традиционно фиксируются для отдельных ее измерений (например, между Я-реальным и Я-идеальным и т.п.); определение характера связи осуществляется либо теоретически, путем умозаключений, либо эмпирически, путем выявления корреляционных связей. Акцентирование внимания исследователей [2] на индивидуальной выраженности этих связей относится к содержанию Я-концепции. Вопрос об устанавливаемых в структуре профессиональной Я-концепции, как системного образования, координационных и субординационных связях нуждается в специальном изучении.

В психологических исследованиях представлены различные типологии, так или иначе связанные с феноменами самосознания: специфических профессиональных [19] и невротических личностей [41]; идентификаций человека с профессией [2]; биографических кризисов [9]; поведения профессионалов [26]; типов Я [17], активности самосознания и внутренних действий в свой адрес [36], самоотношения [4], саморегуляции как поведенческой составляющей самосознания [42], профессиональных самооценок [33]. При разработке типологии профессиональных Я-концепций мы опирались на признаки общепсихологических типологий любых явлений [1, 27], которые предполагают учет: 1) системы существенных признаков, свойственной определенной группе людей; 2) многих (а не одного) оснований; 3) принципа анализа личности через ее жизнедеятельность, через способ ее жизни и возможные противоречия; 4) использования типологии не столько для диагноза, сколько для прогноза.

Критериями построения типологии профессиональных Я-концепций выступили: единое целесредственное ценностно-смысловое отношение человека к профессиональной деятельности (ведущий); (не)совпадение смысла объектной стороны указанного отношения в отдельности для субъектно-деятельностных и личностных свойств человека; (не)совпадение смысла субъектной стороны указанного отношения в отдельности для субъектно-деятельностных и личностных свойств человека. В итоге [12] были выделены 9 типов профессиональных Я-концепций. Для 1-го типа - "ценностная профессиональная Я-концепция" - системообразующим фактором выступает единое ценностное отношение к профессии. Смыслы объектной и субъектной сторон указанного отношения для человека в целом и для каждого из его субъектно-деятельностных и личностных свойств совпадают по содержанию как "цель-цель".

Во 2-м типе - "ценностная потенциально конфликтная профессиональная Я-концепция" - системообразующим фактором выступает также ценностное отношение, однако смысл объектной стороны этого отношения не совпадает со смыслами объектных сторон отношений, фиксируемых в отдельности для субъектно-деятельностных или личностных свойств человека. Профессия с точки зрения субъектно-деятельностных или личностных свойств человека может выполнять служебную функцию по отношению к его целям.

В 3-м типе - "технологическая профессиональная Я-концепция" - системообразующим фактором выступает единое потребностно-технологическое отношение. Смыслы объектной и субъектной сторон указанного отношения для человека в целом и для каждого из его субъектно-деятельностных и личностных свойств совпадают по содержанию как "цель – средство".

В 4-м типе - "технологическая потенциально конфликтная профессиональная Я-концепция" - системообразующим фактором выступает потребностно-технологическое отношение. Смыслы каждой из его объектной или субъектной сторон могут не совпадать со смыслами соответствующих сторон отношений, фиксируемых для субъектно-деятельностных или личностных свойств человека. Профессия может выступать в качестве средства для субъектно-деятельностных и для личностных свойств, а сами эти свойства - в качестве цели, средством достижения которой является профессия, и в качестве ценности-цели, реализуемой в ценностной для человека профессии.

5-й тип - "ориентированная на конкуренцию профессиональная Я-концепция" - имеет своим системообразующим фактором единое средственное отношение. Смыслы объектной и субъектной сторон этого отношения для человека, его субъектно-деятельностных и

личностных свойств содержательно совпадают и относятся как средство-цель.

В 6-м типе - "конкурентно-прагматическая потенциально конфликтная профессиональная Я-концепция" - системообразующим фактором выступает также средственное отношение. Смысл объектной стороны этого отношения не совпадает со смыслами объектных сторон отношений, фиксируемых в отдельности для субъектно-деятельностных или личностных свойств человека, а смысл субъектной стороны отношения - со смыслом субъектной стороны отношения, фиксируемого для субъектно-деятельностных свойств.

7-й тип - "прагматическая потенциально конфликтная профессиональная Я-концепция" - имеет своим системообразующим фактором средственное отношение. Смысл субъектной стороны этого отношения не совпадает со смыслом субъектной стороны отношения, фиксируемого для личностных свойств.

8-й тип - "социально ориентированная потенциально конфликтная Я-концепция" - имеет своим системообразующим фактором средственное отношение. Смысл объектной стороны этого отношения не совпадает со смыслом объектной стороны отношения, фиксируемого для субъектно-деятельностных свойств.

В 9-м типе - "амбивалентная профессиональная Я-концепция" - единого отношения к профессии не выявлено, профессия приобретает тот или иной смысл в зависимости от содержания отношений, реализуемых к ней каждым в отдельности субъектно - деятельностными или личностными свойствами человека.

На основе предложенного Ганзеном В.А. метода базиса для описания большого числа характеристик системного объекта [11] выделены интегральные характеристики профессиональной Я-концепции - пространственные, временные, интенсивностные и информационные. Особого внимания заслуживают интенсивностные характеристики, показывающие, при каких условиях возможно эффективное функционирование системы, т.е. достижение цели при минимальных затратах усилий, вещества, энергии [22]. Интенсивностной характеристикой профессиональной Я-концепции выступает субъективно значимая в ее содержании черта из разряда субъектно-деятельностных или личностных свойств. Для структурного исследования Я-концепции субъективно значимая черта представляет определенный интерес, т.к. она не только избирательно оценивается, лучше осознается и труднее изменяется, но и наиболее важна, устойчива и существенна для общей согласованности Я-концепции [16].

Опираясь на положения Ананьева Б.Г. [6, с. 255] о том, что в каждый данный момент жизни человека синтез различных структур

его различных свойств и есть наиболее общая структура его личности, профессиональная Я-концепция рассматривалась нами как установившаяся на данный момент карьеры система, целостность и устойчивость которой обеспечиваются тем или иным целесредственным ценностно-смысловым отношением человека к профессии. Ее строение и структура на определенном этапе профессионального становления могут быть рассмотрены в соответствии с выделенными в философской литературе признаками становления и развитости системы. Одним из этих признаков является подчинение ее любого элемента целому [3, 22, 35], степень интеграции частей в целое и подчинение их целому на основе внутри- и межсистемных связей и взаимодействий, что и обеспечивает целостность, устойчивость системы. Каким же образом можно установить подчинение отдельных компонентов (и входящих в них черт) профессиональной Я-концепции в целом? Ответ на этот вопрос надо искать в подчинении функций каждого в отдельности или одновременно субъектно-деятельностного или личностного компонентов функционально-целевому назначению Я-концепции. В зависимости от того или иного отношения, выступающего системообразующим фактором Я-концепции, а также от содержания отношений, реализуемых каждым в отдельности из субъектно-деятельностных или личностных проявлений человека, будут устанавливаться специфические связи между отраженными в Я-концепции чертами работающего человека. Иначе говоря, каждый из типов профессиональных Я-концепций будет характеризоваться своеобразием его структуры.

Для подтверждения данной гипотезы изучались структуры разных типов профессиональных Я-концепций субъектов, реализующих карьеры в разнотипных профессиях. В выделенных по самоописаниям с помощью факторного и регрессионного анализов типах профессиональных Я-концепций определялись на основе множественного линейного регрессионного анализа направление, содержание, виды связей между подкатегориями самоописаний, отражающими интенциональные, экспрессивные или инструментальные черты, составляющие субъектно-деятельностные или личностные свойства.

Под направленностью связи понималась ее векторная протяженность от какой-либо черты того или иного компонента к той или иной черте того же или другого компонента; а под содержанием - различные по величине и по знаку связи между отдельными чертами. В соответствии с признаками координационных и субординационных связей наибольшие по величине связи с положительными знаками рассматривались нами как координационные, а с отрицательными

знаками – как субординационные. Отметим, что координационные связи характеризуются взаимодополнением, гармонией, взаимосогласованностью в функционировании и изменении между элементами в случае выполнения ими общей цели [3, 10, 35]; осуществляемым на паритетных началах взаимодействием между свойствами [5]. Напротив, субординационные связи обусловлены происхождением одних элементов из других, возникновением новых связей [10]; управлением [30] и подчинением более элементарных и частных свойств более сложным [5]. Они закрепляют и усиливают дифференциацию, противоречия между элементами системы [3]; создают возможности развития одной части элементов за счет остальных элементов [35]; характеризуют доминирующую роль каких либо свойств [27].

Вид связи обозначался как межкомпонентный в случаях установления ее наибольшей величины между отдельными чертами, принадлежащими разным компонентам, и как внутрикомпонентный (внутриличностный или внутрисубъектно-деятельностный) - между отдельными чертами, входящими в соответствующий компонент. Межкомпонентные связи с тем или иным содержанием близки по своим признакам к координационным или субординационным связям в том плане, что в первом случае они интегрируют, согласовывают взаимодействие между компонентами (субъектно-деятельностными и личностными свойствами), а в другом – закрепляют и усиливают дифференциацию отдельных компонентов в целостной Я-концепции. Аналогично и для внутрикомпонентных связей с той лишь разницей, что посредством них согласовывается взаимодействие или закрепляется дифференциация для отдельных черт, составляющих тот или иной компонент Я-концепции.

Наличие ведущих межкомпонентных (или внутрикомпонентных) координационных связей может служить признаком высокой (или частичной) интеграции, согласованности целостной профессиональной Я-концепции (отдельного ее компонента). Наличие ведущих межкомпонентных (или внутрикомпонентных) субординационных связей может служить признаком высокой (или частичной) дифференциации внутри целостной профессиональной Я-концепции (или внутри ее отдельного компонента). Отсутствие межкомпонентных или внутрикомпонентных связей - признак дезинтеграции целостной профессиональной Я-концепции.

Результаты проведенного исследования выявили наличие характерных для каждого из типов профессиональных Я-концепций направленностей, содержания и видов связей между подкатегориями, отражающими интенциональные, экспрессивные или

инструментальные черты, составляющие субъектно-деятельностные или личностные свойства.

Предварительно выявленные нами для каждого из типов профессиональных Я-концепций субъективно значимые свойства действительно являются ведущими в установлении различных по направленности, содержанию и видам связей. Именно от этих свойств исходят наибольшие по величине и с разным знаком связи, что и подтверждает их важность для общей согласованности Я-концепции.

С учетом направленности, содержания и видов связей опишем характерные для типов Я-концепций структуры. Высоко интегрированными являются профессиональные Я-концепции 1-го, 5-го и 3-го типов: в их структурах выявлены ведущие координационные межкомпонентные связи, исходящие от субъективно значимых черт - личностных интенциональных или экспрессивных либо от субъектно-деятельностных интенциональных черт. Вместе с тем, интегрированность Я-концепций как 5-го, так и 3-го типов не достигает степени, характерной для Я-концепций 1-го типа: для Я-концепций 5-го и 3-го типов зафиксировано наличие меньшего числа связей между входящими в них чертами, чем для Я-концепции 1-го типа.

Частично интегрированными являются профессиональные Я-концепции 2-го, 6-го типов и некоторые Я-концепции 9-го типа: для них выявлены ведущие координационные внутриличностные связи, исходящие от личностных интенциональных или экспрессивных свойств.

Высоко дифференцированными являются профессиональные Я-концепции 4-го типа, принадлежащие субъектам стабильных карьер, Я-концепции 7-го типа, а также некоторые Я-концепции 9-го типа: в их структурах выявлены ведущие субординационные межкомпонентные связи, исходящие от различных субъектно-деятельностных черт.

Частично дифференцированными являются профессиональные Я-концепции 4-го типа субъектов нестабильной карьеры: в их структурах выявлены ведущие субординационные внутрисубъектно-деятельностные связи, исходящие от субъектно-деятельностных инструментальных черт.

Профессиональные Я-концепции 8-го и некоторые Я-концепции 9-го типа дезинтегрированы: в них не выявлены связи между отраженными в Я-концепции чертами.

Наиболее интегрированными оказались те типы (1-й, 3-й и 5-й) профессиональных Я-концепций, строение, содержание и структура каждого из которых обусловлены целостным ценностным или потребностно-технологическим, или средственным отношениями

человека к его профессиональной деятельности. Остальные типы Я-концепции, будучи потенциально или актуально конфликтными, частично интегрированы, дифференцированы или дезинтегрированы. В литературных источниках прослеживается тенденция связывать только ценностные отношения к профессии с целостным видением человека себя в профессии, из чего косвенно следует и наличие хорошо структурированной Я-концепции. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что и при потребностно-технологическом, и средственном отношениях к профессии Я-концепция может представлять хорошо интегрированную структуру, впрочем не достигающую структурированности Я-концепции человека при его ценностном отношении к профессии.

Таким образом, в структурах различных типов Я-концепции устанавливаются различные по направлению, содержанию и видам связи, позволяющие выделять высоко или частично интегрированные или дифференцированные, а также дезинтегрированные Я-концепции. Тот или иной тип профессиональных Я-концепций, выделенный на основе определенного целесредственного ценностно-смыслового отношения человека к его профессии, характеризуется в разной степени интегрированности структурой.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. О путях построения типологии личности // Психол. журн. 1983. Т.4. №1. - С. 14-29.
2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. - 229с.
3. Аверьянов В.Н. Система: философская категория и реальность. М.: Мысль, 1976. – 188с.
4. Александрова Ю.В. Динамика самоотношения и отношения к Другому у взрослого человека. Дис. канд. псих. наук. М., 1999. – 165с.
5. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. В 2-х т. Т.1. М.: "Педагогика", 1980. - 232 с.
6. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. –380с.
7. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980. – 196с.
8. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, ИЦ "Академия", 2002. – 416с.
9. Ахмеров Р.А. Биографические кризисы личности: Автореф. канд. дис. М., 1994. – 24с.
10. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. - 270с.

11. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л.: ЛГУ, 1984. –176с.
12. Джанерьян С.Т. Типы профессиональных Я-концепций // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. №12. 2004. С. 79-85.
13. Келли Дж. Теория личности. Психология личностных конструкторов. СПб.: Речь, 2000. – 249с.
14. Климов Е.А Введение в психологию труда. М.: МГУ, 1988. – 199с.
15. Козиев В.Н. Структура и содержание профессионального самосознания учителя // Психологические проблемы развития профессионального сознания педагога-практика. М.: АПН РСФСР, 1992.- С. 30-45.
16. Кон И.С. Открытие "Я" М.: Политиздат, 1978. – 367с.
17. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Изд-во полит. литературы, 1984. – 335с.
18. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. – 487с.
19. Ливехуд Б. Кризисы жизни-шансы жизни. Развитие человека между детством и старостью. Калуга: Духовное познание, 1994. – 224с.
20. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. – 444с.
21. Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996. – 308с.
22. Миклин А.М., Подольский В.А. Категории развития в марксистской диалектике. М.: Мысль, 1980. – 166с.
23. Миронова Т.Л. Структура и развитие профессионального самосознания: Автореф. докт. дис. М.: МГУ, 1999. - 40с.
24. Миславский Ю.А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте. М.: Педагогика, 1991. – 152с.
25. Митина Л.М. Психология профессионального развития учителя. Докт. дис. М., 1995. –408с.
26. Митина Л.М., Кузьменкова О.В. Психология и особенности внутриличностных противоречий учителя // Вопр. психол. 1998. №3. - С. 3-16.
27. Мясищев В.Н. Психология отношений. Избранные психологические труды. Москва-Воронеж, 1995. – 356с.
28. Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности. Ереван, АН Армянской ССР, 1988. – 263с.
29. Пантилеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: МГУ, 1991. –110с.
30. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука,

1986. –255с.

31. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В двух томах. Т.2. М.: Педагогика, 1989. – 328с.

32. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. - 416с.

33. Садкова А.В. Психологические особенности профессиональной самооценки личности и условия ее совершенствования: Автореф. канд. дис. М., 1998. – 30с.

34. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси: Мецниереба, 1989. –204с.

35. Свидерский В.И. Некоторые особенности развития в объективном мире. Л.: ЛГУ, 1964. – 140с.

36. Столин В.В. Самосознание личности. М.: МГУ, 1983. – 284с.

37. Трубников Н.Н. О категориях "цель", "средство", "результат". М.: Высшая школа, 1968. – 148с.

38. Фурман А.Е, Ливанова Г.С. Круговороты и прогресс в развитии материальных систем. М.: МГУ, 1978. – 206с.

39. Фонарев А.Р. Психология личностного становления профессионала. М.: ИПАН, 1998. – 347с.

40. Хайдаров И.М., Калачинова Б.Д. Диалектика развития системности качества. Ташкент: ФАН, 1990. – 110с.

41. Хорни К. Невроз и развитие личности. М.: Смысл, 1998. - 375с.

42. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. – 144с.

43. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982. –181с.

44. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 544с.

Критика и библиография

Рецензия на книгу Роберта Эммонса «Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности»

В 2004 году в издательстве "Смысл" вышла книга Р.Эммонса "Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности". Книга посвящена поиску психологических оснований человеческого благополучия и ощущения счастья. Другими словами, автор пытается найти ответы на вопрос: Что делает человека счастливым и благополучным? Р.Эммонс убедительно показывает, что три основные, известные в психологии мотивационные системы - достижения, аффилиация-близость и власть недостаточны для описания и понимания механизмов человеческого благополучия. В этой связи он предлагает собственный подход к изучению личности, который называет когнитивно-мотивационным. По его мнению разработанный подход позволяет эмпирически изучать субъективное благополучие личности.

В целом книга посвящена обоснованию духовности и религиозности в психологии личности, связи этой сферы человеческого функционирования с целевой мотивацией и субъективным благополучием. Думается, что предлагаемый и анализируемый в монографии подход, может быть очередным прорывом в изучении мотивации человека, так как автор убедительно показывает, что предлагаемая им модель способна дать возможность эмпирически изучать те потаенные уголки человеческой души и человеческого духа, к которым академическая психология только начинает прикасаться.

В основу своего подхода Р.Эммонс ставит изучение целей человека, которые служат стержнем его психологической организации. Что же такое цели, что они говорят нам о человеческой личности, как они концептуально представлены в психологии личности? Автор пишет, что "людям по природе свойственно ориентироваться на цели. Целевая структура включает в себя параметры целей, их свойства и организацию; целевые процессы заключаются в полагании, планировании, преследовании и пересмотре целей; и, наконец, целевое содержание подразумевает категоризацию целей, согласно таксономии". В этой связи их можно категоризовать как единицы мотивации, но это динамические единицы, организация которых обладает природной иерархичностью. Поведение же человека организуется вокруг преследования целей. Важный момент в разрабатываемой модели целевой организации психического заключается в том, что, по мнению автора, хотя цели

доступны для осознания, нет необходимости в том, чтобы цель обязательно присутствовала в сознании, когда человек занят ее преследованием. Это положение представляется весьма эвристичным, так как оно дает новый импульс для исследования бессознательных тенденций и мотивов в поведении личности.

Обобщенные цели автор называет личными стремлениями, которые могут мыслиться как качества высшего уровня абстрактности, объединяющие множество целей. В этом смысле стремление сходно с понятием мотивационной диспозиции. Однако решающее отличие заключается в идеографической природе личного стремления, поскольку не существует двух различных людей, у которых конфигурация стремлений в точности бы совпадала. Личное стремление - это обобщающий конструкт, объединяющий фенотипически различные цели или действия вокруг общего качества или темы. Именно стремления служат организующими принципами мотивации, которые придают согласованность и последовательность каждодневному преследованию целей. Личные стремления отражают выборы, которые делают люди, направляя свою жизнь к достижению одних объектов и избегая других. Личные стремления составляют важный источник смысла, поскольку жизнь людей строится вокруг того, чего они пытаются достичь.

Автором было показано, что личные цели являются валидным показателем того, как люди структурируют и проживают свою жизнь. Изучая личные стремления людей в течение десяти лет, Р.Эммонс построил матрицы инструментальных стремлений и дал им психометрические характеристики, показав, что в обобщенном виде стремления отвечают трем основным потребностям: потребности в безопасности и контроле, потребности в социальной принадлежности и потребности в самооценке и компетентности. Книга содержит большое количество приложений, в которых приведены разработанные автором методы и способы целевого, когнитивно-мотивационного изучения личности.

Однако, разработка целевого подхода к изучению мотивации человека - это лишь конструкт, который предлагает автор для изучения более важных параметров человеческой жизни. С его точки зрения, психология до сих пор была малоспособна изучать такие важные показатели качества жизни человека как счастье и субъективное благополучие. По его мнению субъективное благополучие относится как к общим устойчивым аффективным состояниям эмоционального благополучия, так и к когнитивным состояниям удовлетворенности жизнью и осмысленности жизни, а изучение личных целей показало, что наличие у человека важных личных целей и успехи в их достижении тесно связаны с его

субъективным благополучием.

В рецензируемой работе подробно описывается множество интересных полученных автором эмпирических данных об отношениях между личными целями, ресурсами человека его субъективным благополучием и ощущением счастья. В частности он показывает, что ресурсы, такие как: деньги, внешний облик, здоровье, интеллект, должны быть связаны с благополучием только в той мере, в которой они способствуют реализации личных стремлений человека, он пишет: "Полученные данные позволяют усомниться в том, что "Американская мечта" о славе, удаче и имидже есть желательное положение дел, к которому следует стремиться".

Изучая спонтанно выражаемые испытываемыми личные стремления, Р.Эммонс обнаружил, что люди формулируют свои цели на разных уровнях обобщения, что позволило классифицировать людей как имеющих стремления высокого и низкого уровня. При этом люди, имеющие стремления высокого уровня стремятся быть кем-то, а люди, выражающие, преимущественно цели низкого уровня, стремятся найти себе дело.

Используя разработанный целевой конструкт, автор переходит к изучению высших духовных устремлений человека. Он даже вводит термин "психология высших устремлений", как попытка научного изучения духовности в контексте мотивации и личности.

Р.Эммонс считает, что длительное время, совершенно необоснованно к религии относились с подозрением, пренебрежением и даже с открытой враждебностью. Он пишет, что "Олпорт не удивился бы, если бы узнал, что в книге, посвященной 50- летию его учебника, нет ни одного упоминания его многочисленных работ, посвященных центральной роли религиозного чувства в структуре личности". Нельзя не согласиться с точкой зрения автора о том, что невозможно игнорировать, что духовные или религиозные цели, убеждения и практики, которые занимают центральное место в жизни множества людей и оказывают сильное влияние на познавательные процессы, аффект, мотивацию и поведение, и то, что духовность игнорируется теорией и исследованиями личности на заставляет ее исчезнуть.

Пожалуй впервые после выхода на русском языке известной книги У.Джеймса, читатели снова могут встретиться с изучением религиозных устремлений и религиозного опыта в психологической науке. Р.Эммонс, исходя из предложенной им целевой когнитивно-мотивационной модели личности изучает стремления, относящиеся к трансцендентным сферам опыта, в особенности те, которые имеют отношение к Богу или какой-либо концепции Божественного.

В своих воззрениях он исходит из того, что поскольку вера

интегральна по отношению к личности, она должна затрагивать каждый уровень личности, включая те ее аспекты, которые отражаются в повторяющихся целевых устремлениях. Однако, духовность определяется автором весьма широко, охватывая аспекты поиска смысла, целостности, единства, трансценденции и вершины человеческих возможностей. Он рассматривает духовность как вид интеллекта, как компонент теории интеллекта. Возможно духовный интеллект - один из таких концептов, которые могут стимулировать прогресс в понимании эффекта "функциональной" духовности в жизни людей.

В этой связи он разводит понятия религии и духовности: религия более широкое понятие, чем духовность, поскольку религия включает в себя нечто большее, чем поиск сакрального.

Р.Эммонс выступает как создатель классификации духовных устремлений человека. Он также описывает основные фундаментальные функции, которые осуществляет духовность в жизни, показывая, что личная духовность - это эффективный механизм, с помощью которого может быть достигнута целевая интеграция, которая и служит критерием психологически здоровой личности.

Вместе с тем, сосредоточившись на изучении религиозной духовности, он многократно указывает, что существуют и другие, нерелигиозные, гуманистические варианты духовности, которые окрашивают человеческие стремления. При этом, автор существенно продвинулся и в понимании духовности, отражающей нерелигиозные стремления. При описании нерелигиозных вариантов духовности значительное внимание в книге уделено так называемой "прагматической духовности", связанной с созиданием, которое приобретает духовное значение для людей, не разделяющих конвенциональную религиозную идеологию. К ним он относит любовь и непосредственную заботу о следующих поколениях, озабоченность природой и своей личной конечностью, веру в фундаментальную благодать и достоинство человеческой жизни и заботу о благополучии других.

Оригинальна высказанная точка зрения на функции созидания и того, что автор называет прагматической духовностью. Он ее связывает с возможностью разрешения фундаментальной драмы немецкой классической философии в поисках соотношения родовой и индивидуальной сущности человека, поскольку считает, что она может разрешать дилемму между индивидуалистическим стремлением и более широким и глубоким социальным отношением, примиряя потребность в независимости и потребность в близости: созидание предполагает творческий синтез, слияние близости и власти.

Общий смысл рассуждений автора сводится к тому, что религия и духовность в состоянии обеспечить единую философию жизни и служить интегрирующей и стабилизирующей силой перед лицом постоянного давления окружения и культуры в направлении фрагментации личности, особенно в постмодернистских культурах.

И все же все описанные автором идеи и полученные эмпирические данные означают лишь подход к главной цели книги, которая заключается в поисках ответа на вопрос, что значит иметь хорошую жизнь? Естественно, что отвечая на поставленный вопрос невозможно обойтись без понятия жизненного смысла. Согласно замыслу автора, вести хорошую жизнь - нечто большее, чем просто быть счастливым. Он строит две модели личного благополучия, связанные с содержанием личных целей: одна основана на гедонистических целях, а другая - полагается на смысл, связанный со значимостью жизни. При этом, подчеркивается, что осмысленность жизни не может гарантировать высокий уровень позитивного эмоционального благополучия, но отсутствие смысла и цели предвещает несчастье.

По Р.Эммонсу смысл, счастье и мудрость большая тройка, созидаящая субъективное жизненное благополучие. Когда люди ориентируют свою жизнь на достижение духовных результатов, им свойственно переживать свою жизнь как стоящую и осмысленную.

В целом разработанная автором и основанная на интеллекте концепция духовности означает значительный прогресс в психологии религии и имеет важнейшее значение для будущих теоретических и эмпирических разработок.

Рецензируемая монография - это несомненный вклад в психологию личности, развивающей идею духовности человека, способствующий научному осмыслению психологических закономерностей, способов и механизмов того, что делает человека собственно Человеком.

Информация о конференциях

**Министерство образования и науки РФ
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Институт психологии РАН
Международная академия психологических наук
Российское психологическое общество
Костромская академия социально-политической психологии,
акмеологии и менеджмента
проводит 27-28 октября 2005 г. в г. Костроме
Международный симпозиум**

«ГЕНДЕРНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ И ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И МАЛЫХ ГРУПП В XXI ВЕКЕ»

Основные направления симпозиума:

- Методологические проблемы теории гендерных девиаций.
- Методологические основания гендерной девиантности личности и малых групп.
- Цивилизационные ограничения гендерной самореализации личности и малых групп как основание девиантного поведения.
- Гендерные девиации в сфере производства, образования, силовых структур, культуры, воспитания и здравоохранения.
- Специфика гендерных девиаций в социальных группах (профессиональных, семейных, молодежных, воинских, этнических, партийных, религиозных).
- Роль СМИ в генерации механизмов гендерных девиаций и их актуализации на личностно-групповом уровне.

- Конструктивные и деструктивные стратегии личностных и групповых девиаций, обусловленных половым диморфизмом, гендерными различиями, соматическими и социальными ограничениями.
- Детерминанты и типологии гендерных девиаций в разновозрастных малых группах.
- Социально-психологическая профилактика гендерной девиантности.
- Элиминация гендерной девиантности в студенческой среде и ППС вуза как направление стратегии управления качеством подготовки специалистов в вузе.
- Психолого-акмеологические основания управления процессами новообразования социально-значимых гендерных ценностей, самоактуализации и профилактики девиантного поведения личности и малых групп.
- Место дошкольного возраста в генезисе девиантности поведения школьников и студентов в образовательном пространстве России.
- Социально-психологические основания девиантности поведения молодежи и взрослого населения и их отражения в феноменах коррупции и терроризма.
- Гендерные девиации и специфика их профилактики в мужских и женских группах.

**Нефтекамский филиал
Башкирского государственного университета
при поддержке
Башкирского государственного университета
Администратий городов и районов северо-западного региона
республики Башкортостан**

**проводит 24-27 октября 2005г. в г. Нефтекамске
научно-практическую конференцию,
посвященную 5-летию Нефтекамского филиала БашГУ**

Основной целью конференции является обмен опытом в области науки и образования.

К участию в конференции приглашаются руководители, преподаватели, аспиранты, студенты ВУЗов и другие специалисты в области профессионального образования и науки.

Секции:

- Фундаментальная и прикладная математика
- Информационные технологии
- Экономика, страховая и финансовая математика.
- Юриспруденция
- Филология.
- История
- Философия
- Психология
- Социология
- Автоматизированные системы в управлении образовательным процессом.
- Программно-инструментальные средства систем дистанционного и открытого образования.

Факультет психологии СПбГУ

проводит 25-27 октября 2005 г.

традиционную научно-практическую конференцию

«АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ - 2005»

**посвященную юбилею кафедры специальной психологии и
памяти К.С.Лебединской.**

Оргкомитет приглашает Вас принять участие в работе конференции

**«РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ (КОРРЕКЦИОННОЙ)
ПСИХОЛОГИИ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ»**

Основные направления работы конференции:
методологические и теоретические проблемы специальной психологии; клиника и психология нарушенного развития; медицина и современная дефектология; психотерапия; эргономика и современные проблемы инвалидности; психодиагностика отклонений в развитии; современная семья особого ребенка; психология и интегрированное обучение; медицинская и специальная психология; проблема предметного содержания, нейропсихологические механизмы нарушений в психическом развитии, психопрофилактика отклонений в поведении у детей и подростков, психологические проблемы интегрированного обучения, психологическая реабилитация, семья больного ребенка, посттравматические синдромы у детей . жертв насилия; психологическая культура и специальное образование; проблема нормы и патологии в науках о человеке; общая психология, психология развития и дифференциальная психология; спортивная психология; этническая и кросс-культурная психология; психология в образовании; социальная психология; психология менеджмента и управления персоналом.

**Министерство образования и науки РФ
Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО Оренбургский государственный университет
совместно с Федерацией психологов образования России,
Департаментом общего и профессионального образования
Оренбургской области**

**проводят 23-25 ноября 2005 года в г.Оренбурге
Всероссийскую научно-практическую конференцию на тему**

**«ГЕНДЕРНАЯ И КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»**

Конференция будет носить полипрофессиональный характер, поэтому к участию приглашаются различные специалисты: врачи, психологи, социальные работники, педагоги, социологи, госслужащие и др. Научная программа конференции включает пленарные заседания с проблемными докладами по ключевым вопросам современных тендерных и кросс-культурных исследований, секционные заседания с тематическими докладами, мастерские по заявленному направлению.

Основные направления работы конференции:

- Гендерные и кросс-культурные аспекты социальных отношений
- Гендерные особенности и проблемы возрастного развития
- Психология и социология тендерных отношений в семье
- Кросс-культурные и этнические исследования в социальной психологии
- Гендерная психология лидерства
- Кросс-культурная психология лидерства

В рамках конференции будет проведен круглый стол участников конференции с представителями средств массовой информации на тему:

**«ГЕНДЕРНЫЕ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
НАУКЕ»**

В рамках конференции предлагается проведение образовательной программы в виде лекций, семинаров, мастер-классов, сателлитных симпозиумов.

Сведения о порядке подачи публикаций

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы на дискете в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом не более 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи через точку с запятой; цитируемые страницы – через запятую. Материалы для раздела «Научная жизнь» принимаются лишь в течение двух месяцев после окончания срока проведения соответствующего мероприятия (съезда, конференции, симпозиума и т.д.).

Рисунки представлять на дискете отдельными файлами в формате TIF или PCX с распечатками и перечнем подрисовочных подписей. Допускается представление графических рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются резюме объемом не более 0,5 страницы и ключевые слова, а также сведения об авторе (фамилия, имя и отчество, домашний почтовый адрес с индексом, телефон, специальность, ученое звание, место работы и должность, фотография в электронном формате TIF с разрешением не менее 300 dpi либо фотокарточка размером не менее 10×15 см).

Материалы, направляемые в редакцию, должны быть представлены на двух языках: русском и английском.

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 218а,
редакция журнала «Российский психологический журнал».
Тел. (863) 243-07-67; факс 243-08-05; E-mail: rpj@psyf.rsu.ru.

Научно-аналитическое издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2005

ТОМ 2 № 3

ИБ № 013

Лицензия ЛР № 06160 от 29.10.2001 г.

Сдано в набор 29.07.2005. Подписано в печать 02.09.2005.
Формат 62×94¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура AGForeigner.
Печать офсетная. Усл. п. л. 13,89. Уч.-изд. л. 11,8.
Тираж 800 экз. Заказ № 147.

Издательство ООО Фирма «Ирбис»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Талер».
344011, г. Ростов-на-Дону, пер. Гвардейский, 13.